Дорогой Джон

Автор:
Николас Спаркс

Дорогой Джон

Николас Спаркс

«Дорогой Джон…»

Так начинается письмо Саванны, которая, устав ждать любимого, вышла замуж за другого.

Эти слова разбили сердце Джона. Он больше не верит женщинам. Он больше не верит в любовь.

Но разве настоящие чувства умирают? Разве ошибку молодости можно считать предательством?

Пройдут годы, Джон и Саванна встретятся вновь. И искра былого пламени, оставшаяся в его душе, разгорится новым пожаром…

Поздно?

Но разве для счастья бывает поздно?

Николас Спаркс

Дорогой Джон

Nicholas Sparks DEAR JOHN

Перевод с английского О.А. Мышаковой

Печатается с разрешения Willow Holdings, Inc. и литературных агентств The Park Literary Group LLC и Andrew Nurnberg.

© Nicholas Sparks, 2006

© Перевод. О.А. Мышакова, 2008

© ООО Издательство «АСТ МОСКВА», 2008

* * *

Мике и Кристин

Выражение признательности

Писать этот роман было и радостно, и сложно. Радостно потому, что, как я надеюсь, мне удалось показать благородство и цельность натуры тех, кто служит в армии, а сложно потому, что… Ну, если честно, каждая книга дается мне нелегко. К счастью, есть люди, которые существенно облегчают этот процесс, поэтому без долгих церемоний я хочу поблагодарить:

Мою жену Кэт, которую я люблю всем сердцем. Спасибо тебе за терпение, милая!

Моих детей Майлса, Райана, Лэндона, Лекси и Саванну. Спасибо за ваш неиссякаемый энтузиазм, ребята!

Моего литературного агента Терезу Парк. Спасибо за все!

Моего редактора Джейми Рааба. Спасибо за вашу доброту и мудрость!

Нового генерального директора «Хэтчетт бук групп» в США Дэвида Янга, Морин Иджин, Дженнифер Романелло, Харви-Джейн Коуэл, Шэннон О’Киф, Шэрон Крассни, Эбби Кунс, Денизу Динови, Эдну Фарли, Хауи Сандерса, Дэвида Парка, Флэга, Скотта Швимера, Линн Харрис, Марка Джонсона… С искренней признательностью за ваше дружеское отношение!

Моих приятелей – тренеров и участников легкоатлетической команды «Нью-Берн хай», побеждавшей как на открытых, так и крытых площадках в чемпионатах на приз штата Северная Каролина: Дейва Симпсона, Филемона Грея, Карджуана Уильямса, Даррила Рейнольдса, Энтони Хендрикса, Эдди Армстронга, Эндрю Хендрикса, Майка Виера, Дэна Кастелоу, Маркса Мура, Райшада Доби, Даррила Барнса, Джейра Уитфилда, Келвина Хардести, Джулиана Картера и Бретта Уитни. Последний сезон был на редкость удачным, парни!

Пролог

Ленуар, 2006 год

Что такое настоящая любовь?

Было время, когда я точно знал ответ. Думал, окружу Саванну любовью более глубокой, чем питаю к себе самому, и будем мы жить долго и счастливо и умрем в один день. Но долго это не продлилось. Однажды она сказала мне, что ключи от счастья – это мечты, воплотившиеся в жизнь, а ее мечты ни на йоту не выходили за привычные рамки – дом, семья… словом, патриархальность. То есть чтобы у меня была постоянная работа, коттедж, обнесенный белым штакетником, и «универсал» или джип, достаточно большой, чтобы возить наших детей в школу, к дантисту, на тренировки по соккеру или на фортепьяно. Детей планировалось двое или трое – Саванна довольно туманно высказывалась на этот счет, но подозреваю, что она предложила бы не мешать природе и

предоставить решать это дело Богу. Такая уж она была – имею в виду, религиозная, – и, наверное, отчасти поэтому я на нее запал. Какие бы испытания ни выпадали на долю каждого из нас, я часто представлял, как буду лежать рядом с ней в постели после трудного дня, болтая, смеясь и забывая обо всем на свете в ее объятиях.

Не очень натянуто звучит, а? Ну, если речь идет о двоих любящих?.. Вот и я так думал. И до сих пор в глубине души продолжаю верить в такую возможность, точно зная, что этого никогда не будет. Вскоре уеду отсюда и не вернусь.

Однако сейчас я засяду на стороне холма, выходящей на ее ранчо, и подожду ее появления. Саванна меня не заметит. В армии, знаете ли, учат маскироваться и сливаться с местностью, а я учился хорошо, потому что не испытывал желания пропасть ни за понюх табаку в песках посреди иракской пустыни. Мне требовалось обязательно вернуться в маленький горный городок в Северной Каролине и узнать, как обстоят дела. Когда человек тайно подливает масла в колесики какого-нибудь механизма, который его в общем-то и не касается, он испытывает чувство неловкости, почти сожаления, пока не выяснит, чем дело кончилось.

В одном уверен точно: Саванна никогда не узнает, что сегодня я был здесь.

При мысли о ней, такой близкой и такой недосягаемой, в душе поднималось что-то тоскливое, ноющее, но теперь уж так и будет: я – отдельно, она – отдельно. Мне долго не удавалось смириться с этой простой истиной, ибо на какое-то время наши судьбы слились в одну, но это было шесть лет и две жизни назад. Нам остались лишь воспоминания, хотя я уже убедился, что мысли о ней обладают чуть ли не физической осязаемостью. В этом мы с Саванной тоже отличаемся друг от друга: если для нее воспоминания как звезды в ночном небе, то мои скорее смахивают на населенную призраками пустоту где-то между небом и землей. В отличие от Саванны меня мучает вопрос, который я задавал себе тысячи раз после расставания: почему я это сделал? И поступил бы так снова?

Это, видите ли, я разорвал отношения с Саванной.

Листья на деревьях, за которыми я сидел, медленно наливались огненным светом, подсвеченные выглянувшим из-за горизонта солнцем. Птицы начали

свою утреннюю перекличку. Воздух был напоен ароматом сосен и земли, так непохожим на соленую океанскую свежесть моего родного городка. Через некоторое время дверь дома распахнулась, и я увидел ее. Несмотря на разделявшее нас расстояние, я невольно затаил дыхание, когда Саванна вышла навстречу новому рассвету. Сладко потянувшись, она сошла с крыльца и свернула за угол дома. Кораль невдалеке сверкал, как зеленый океан; Саванна прошла в калитку, ведущую на выгон. Послышалось одинокое приветственное ржание, тут же дружно подхваченное другими лошадьми; мне всегда казалось, что Саванна слишком миниатюрная, чтобы так безбоязненно ходить среди этих громадин. Но она всегда ладила с лошадьми, и они ее любили. Полдюжины лошадок, в основном подседельных, пощипывали траву у столбов ограды. Мидас, ее черный в белых «чулках» арабский жеребец, стоял отдельно. Однажды мы ездили верхом. К счастью, обошлось без увечий – я цеплялся за лошадь как за жизнь, а Саванна сидела в седле привычно и чуть ли не расслабленно, будто в кресле перед телевизором. Сейчас она подошла поприветствовать Мидаса – потерла ему нос, шепча что-то, похлопала по крупу и направилась дальше. Жеребец навострил уши – хозяйка шла к амбару.

Саванна исчезла внутри и вскоре появилась снова, неся два ведра – с овсом, должно быть. Ведра она повесила на столбы ограды, и к ним сразу потрусили две-три лошади. Хозяйка отступила, чтобы дать им место. Я смотрел, как легкий бриз шевелит волосы Саванны, пока она кладет седло на спину Мидасу, застегивает подпругу и накидывает поводья. Пока Мидас хрупал овсом, она уже подготовила его к прогулке, а через несколько минут вывела с пастбища и потянула к лесной просеке. Саванна выглядела в точности как шесть лет назад. Это, конечно, неправда – я видел ее вблизи в прошлом году и заметил первые тоненькие морщинки вокруг глаз, но волшебный кристалл, через который я на нее смотрю, сохраняет для меня прежнюю Саванну. В моих глазах ей всегда будет двадцать один. А мне было двадцать три, я служил в части, расквартированной в Германии, и даже представить не мог, что через пару лет буду участвовать в военных действиях в Фаллудже и Багдаде и получу ее письмо, которое прочту на железнодорожной станции в Самаве[1 - Самава – город на юге Ирака, на правом берегу Евфрата. – Здесь и далее примеч. пер.] в первые недели иракской кампании. Мне еще только предстояло возвращение домой после событий, которые изменили всю мою жизнь.

Сейчас, в двадцать девять лет, я иногда задумываюсь, правильный ли выбор сделал. Армия стала моей судьбой и единственной жизнью. Не знаю, радоваться или грустить по этому поводу; большую часть времени я перехожу из одного состояния в другое, смотря по погоде, а на все расспросы отвечаю, что я –

старый брюзга пехотинец, и нисколько не шучу. Я по-прежнему живу на военной базе в Германии, на счету у меня примерно тысяча долларов, и несколько лет не встречался с женщинами. Я больше не занимаюсь серфингом даже в отпуске, зато в выходные вывожу свой «харлей» и еду на север или на юг, в зависимости от настроения. Мотоцикл – единственная вещь высшего класса, которую я когда-либо себе покупал, хоть он и стоил целое состояние. Мы с ним идеально подходим друг другу, раз я заделался записным одиночкой. Большинство моих друзей давно дембельнулись, а меня, возможно, скоро снова отправят в Ирак на пару месяцев. По крайней мере на базе ходят такие слухи. Когда я впервые встретил Саванну Линн Кертис – для меня она навсегда останется Саванной Линн Кертис, – я и представить не мог, что моя жизнь сменит курс на сто восемьдесят градусов или что я выберу армейскую карьеру.

Но я встретил Саванну; вот почему моя теперешняя жизнь такая непонятная. Я влюбился в нее, когда мы были вместе, и полюбил еще сильнее за годы разлуки. В нашей истории три части – начало, середина и конец, и хотя для любовных историй это обычное дело, до сих пор не могу поверить, что наша любовь не продлилась вечно.

Мысли о прошлом увлекли меня, и, как всегда, прошлое не замедлило вернуться, зримое и яркое, хоть рукой щупай. И я сам не заметил, как начал вспоминать, с чего все началось: ведь все, что у меня осталось, – это воспоминания.

Часть I

Глава 1

Уилмингтон, 2000 год

Меня зовут Джон Тайри. Я родился в 1977 году в Уилмингтоне, Северная Каролина, – городке, который страшно гордится самым крупным в штате портом и долгой и яркой историей, но больше достоин удивления как город,

появившийся в результате чистой случайности. Конечно, тут прекрасная погода и великолепные пляжи, но Уилмингтон не был готов к накрывшей север волне пенсионеров-янки, алчущих местечка подешевле, чтобы провести последние золотые денечки. Уилмингтон расположен на довольно узкой косе, ограниченной рекой Кейп-Фир с одной стороны и океаном – с другой. Семнадцатое шоссе, ведущее к Миртл-Бич и Чарлстону, делит город на две половины и служит главной уилмингтонской автомагистралью. Помнится, в детстве мы с отцом доезжали от исторической части города у Кейп-Фир до Райтсвилл-Бич за десять минут, но с тех пор на шоссе понатыкали столько светофоров и торговых центров, что сейчас дорога занимает около часа, особенно по выходным, когда автостраду наводняют туристы. Райтсвилл-Бич, раскинувшийся на островке у самого побережья, является северной оконечностью Уилмингтона и Райта – одним из самых популярных пляжей в штате. Дома на дюнах до кретинизма дорогие, тем не менее большинство бунгало сданы на все лето. Внешние отмели могут показаться более романтичными из-за своей изолированности, диких лошадей и достопамятного полета Райта и Уилбера[2 - 17 декабря 1903 г. братья Орвилл осуществили первый в истории человечества пилотируемый полет. Хотя полет длился всего 12 секунд, это место считается колыбелью воздухоплавания.], но позвольте сказать – большинство людей, которые выбираются на пляж только во время отпуска, чувствуют себя как дома лишь с «Макдоналдсом» или «Бургер-кингом» под боком, особенно если их детки не жалуют местную кухню, а по вечерам изволят желать развлечений, и их не устраивает скудный выбор из двух-трех баров.

Как и все города, Уилмингтон местами богат, местами беден. У моего отца была одна из самых стабильных и солидных профессий на планете (он развозил почту), так что жили мы достойно – не роскошно, но хорошо. Мы не были богачами, но проживали достаточно близко к богатой части города, и я ходил в одну из лучших школ. В отличие от особняков моих друзей наш дом был маленьким и старым, с покосившимся навесом над крыльцом, зато там был великолепный двор, за который дому можно было многое простить. Во дворе рос мощный дуб, и когда мне было восемь лет, в его ветвях я построил домик из обрезков досок, набранных на стройке. Папа мне не помогал (если бы он смог попасть по гвоздю молотком, это можно было смело считать случайностью). Тем же летом я самостоятельно научился серфингу. Наверное, меня должна была удивлять разительная несхожесть наших с отцом характеров, и это служит лишним доказательством того, как мало дети понимают в жизни.

Мы с отцом отличались так сильно, как только могут отличаться два человека. Он был пассивен и склонен к самоанализу, я же вечно пребывал в движении и

терпеть не мог одиночества. Он ставил образование во главу угла, а для меня школа была неким подобием клуба отдыха и развлечений плюс уроки физкультуры. У отца была плохая осанка, он шаркал при ходьбе. Я рос прыгучим и ловким и постоянно упрашивал папу засекать время, пока добегу до конца дома и обратно. Я перерос отца уже в восьмом классе и годом позже мог победить его в армрестлинге. Внешне мы тоже ничуть не походили друг на друга. У отца были рыжеватые волосы, светло-карие глаза и веснушки, а у меня волосы были темные, глаза почти черные, а смуглая кожа становилась еще темнее от загара уже к началу мая. Кое-кому из соседей наша непохожесть мозолила глаза, и не без причины – ведь отец растил меня один. Когда я подрос, то стал обращать внимание на соседские пересуды о том, как моя мать сбежала, когда мне не было и года. Позже я начал подозревать, что мама встретила другого мужчину, но отец никогда этого не подтверждал. Все, что он говорил, – что она совершила ошибку, выйдя замуж совсем молодой, и оказалась не готова к роли матери. Он не презирал и не хвалил ее, но следил, чтобы я упоминал мать в молитвах независимо от того, кто она была или что сделала. «Ты напоминаешь мне ее», – говорил он иногда. До настоящего дня я мало думал о матери и не общался с ней, да и желания такого у меня, если честно, не возникало.

По-моему, отец был счастлив. Я так говорю, потому что он нечасто проявлял эмоции. Объятия и поцелуи были для меня большой редкостью, да и те поражали своей безжизненностью, словно отец делал что-то по обязанности, а не по желанию. Конечно, он любил меня, раз посвятил себя моему воспитанию, но ему было сорок три, когда я родился, и мне иногда кажется, что он скорее годился в монахи, чем в родители. Человек он был наитишайший, почти не задавал вопросов о том, как там мои дела, редко сердился, но и редко шутил. Он жил по заведенному порядку: каждое утро готовил яичницу и тост с беконом, а вечерами слушал мои рассказы о школе за ужином, который сам же и готовил. Отец записывался к дантисту за два месяца, оплачивал счета утром в субботу, заводил стирку днем в воскресенье и уходил из дома каждое утро ровно в семь тридцать пять. С людьми он общался неохотно и много часов проводил один, опуская бандероли и письма в почтовые ящики согласно установленному маршруту. Он не ходил на свидания и не проводил воскресные вечера, дуясь в покер с приятелями. Телефон у нас молчал неделями, а когда звонил, это либо ошибались номером, либо оказывался сетевой маркетинг. Представляю, как тяжело отцу было поднимать меня одному, но он никогда не жаловался, даже когда я его огорчал.

Вечера я проводил один. Покончив с дневными делами, папа удалялся в «берлогу» побыть со своими монетами. Это была его единственная и

всепоглощающая страсть. Больше всего он бывал доволен, сидя в «берлоге» и изучая еженедельный информационный «Бюллетень нумизмата», соображая, какую новую жемчужину присоединить к своей коллекции. Строго говоря, собирать монеты из драгоценных металлов начал мой дед. Его кумиром был один балтиморский финансист по имени Луи Элиасберг, единственный, кому удалось собрать все когда-либо выпущенные монеты Соединенных Штатов, включая вышедшие из употребления, со всеми клеймами Монетного двора. Его коллекция смело могла соперничать с собранием монет Смитсоновского музея, и после смерти моей бабушки в 1951 году дед заболел нумизматикой на пару со своим сыном. Летом они вместе ездили на поезде на предприятия Монетного двора, чтобы получить новые экземпляры из первых рук, или посещали нумизматические выставки на юго-востоке штата. Со временем дед и отец свели знакомство с монетными дилерами по всей стране. За много лет дед потратил целое состояние на пополнение коллекции и перекупку редких экземпляров. В отличие от Луи Элиасберга дед был не богат – он владел магазином со смешанным ассортиментом на Бурго, прогоревшим, когда по всему городу открылись магазины «Пиггли уиггли»[3 - Имеются в виду небольшие продовольственные магазины самообслуживания с торговыми автоматами.], – и не мог тягаться с балтиморским финансистом, но все равно каждый свободный доллар вкладывал в монеты. Дед тридцать лет ходил в одном пиджаке, всю жизнь проездил на одной машине, и я уверен, что отец пошел работать на почту вместо колледжа, потому что ему ни гроша не осталось на немаленькую плату за образование. Дед был белой вороной, и сын пошел в отца – яблочко от яблони, как говорится… Когда старик отошел в мир иной, его последней волей было продать дом, а деньги пустить на покупку новых монет (что папа наверняка сделал бы и без завещания).

К тому времени, когда отец унаследовал коллекцию, она уже была довольно дорогой. Когда инфляция взлетела до небес и золото подскочило до восьмисот пятидесяти долларов за унцию, коллекция превратилась в маленькое состояние, более чем достаточное для моего бережливого папаши, чтобы спокойно уйти на пенсию, и стоила в несколько раз больше, чем четверть века спустя. Но дед с отцом собирали монеты не ради выгоды, а из охотничьего азарта и ради особой связи, возникшей между ними и скрепившей их родственный союз. Дед и отец находили нечто упоительное и захватывающее в долгом, трудном поиске какой-нибудь особой монеты, долгожданной находке и всяческих хитростях и ожесточенной торговле с целью приобрести ее по сходной цене. Иногда монета оказывалась по средствам, иногда нет, но все до единого экземпляры, попавшие в коллекцию, были сокровищами. Папа надеялся разделить со мной эту страсть, включая добровольные лишения, связанные с нумизматикой. В подростковом

возрасте зимой мне приходилось накрываться несколькими одеялами, спасаясь от холода; новую обувь мне покупали раз в год. На одежду для меня денег не было вообще, и шмотки перепадали разве что от Армии спасения. У отца даже фотоаппарата не было – единственная наша фотография была сделана на нумизматической выставке в Атланте. Знакомый дилер щелкнул нас, когда мы стояли у витрины его павильона, и выслал нам снимок. Много лет фото красовалось на отцовском столе. На снимке папа стоит, обняв меня рукой за плечи, и мы оба сияем от радости: я держу пятицентовик 1926 года с головой бизона, в прекрасном состоянии, который мой отец только что приобрел. Это был один из самых редких пятицентовиков с бизоном, и нам пришлось целый месяц сидеть на хот-догах и тушеных бобах, потому что монета обошлась дороже, чем рассчитывал отец.

Я не возражал против добровольных лишений – по крайней мере первое время. Когда папа начал рассказывать мне о монетах – я был тогда в первом или втором классе, – он говорил со мной как с равным. Когда взрослый, особенно твой отец, общается с тобой как с ровней, это невероятно подкупающая и заманчивая штука для любого ребенка, и я буквально купался в непривычном отцовском внимании, губкой впитывая новую информацию. Вскоре я уже мог сказать, сколько «двойных орлов» Сен-Годена[4 - Золотая монета достоинством двадцать долларов, на реверсе которой изображена статуя Свободы в полный рост, изготовленная по эскизу скульптора Огюста Сен-Годена (1848–1907).] отчеканено в 1927 году, а сколько – в 1924-м, и почему десятицентовик 1895 года, отчеканенный в Новом Орлеане, ценится в десять раз выше, чем монета того же достоинства, выпущенная в том же году в Филадельфии. Кстати, я это до сих пор могу. Однако в отличие от отца я в конце концов перерос страсть к коллекционированию. Монеты были единственной темой, на которую отец был в состоянии говорить, и через шесть или семь лет таких вот уик-эндов, проведенных с папой, а не с приятелями, я захотел на волю. Как большинство парней, я увлекался спортом, девушками, машинами и в основном музыкой и к четырнадцати годам уже мало времени проводил дома. Одновременно во мне росла обида. Я стал замечать разницу между тем, как живем мы и как живут большинство моих друзей. У всех были карманные деньги на кино или стильные темные очки, а я шарил под диваном в поисках закатившегося четвертака, чтобы позволить себе гамбургер в «Макдоналдсе». На шестнадцатилетие несколько моих приятелей получили автомобили; мой папаша вручил мне серебряный доллар Моргана[5 - Доллар Моргана (по имени автора эскиза монеты Джорджа Моргана) появился в обращении в 1878 году и чеканился вплоть до 1921 года.] 1883 года, отчеканенный в Карсон-Сити, и я, помнится, плакал на нашем продавленном диване, с головой накрывшись одеялом. Мы были единственной

семьей в округе без кабельного телевидения и микроволновки. Когда сломался холодильник, папа купил подержанный, самого кошмарного зеленого оттенка из существующих в природе, ни к чему на кухне не подходивший. Мне было неловко приглашать к себе друзей, и в этом я винил отца. Я сознаю, что вел себя как последний говнюк – если уж я так страдал без денег, мог бы косить газоны или браться за разовую работу, например, – но так обстояли дела. Я был слеп, как улитка, и глуп, как верблюд, однако, как ни сожалей сейчас о тогдашней своей незрелости, прошлого не исправишь.

Папа чуял – что-то изменилось, но не представлял, как наладить ухудшившиеся отношения с сыном. Он прибег к фамильному способу – заговорил о монетах (единственная тема, которую папа мог развивать часами) и по-прежнему готовил мне завтраки и ужины. Однако отчуждение продолжало расти. Примерно в это время я отдалился и от старых друзей. Они разделились на компании в зависимости от того, какие фильмы собирались посмотреть или какие новые рубашки купили себе в торговом центре, а я ощущал себя выброшенным на обочину жизни и завистливо наблюдающим, как живут другие. Ну и черт с ними, решил я. В старших классах публика – сборная солянка, вот я и прибился к тем парням, которые на все плевать хотели. Мне ведь тоже ничего не оставалось, как на все плевать. Я начал прогуливать занятия, курить, за драку меня три раза лишали права посещения занятий.

Спорт я тоже забросил. Раньше я играл в футбол, баскетбол и занимался бегом, пока не перешел в десятый класс; и хотя дома отец иногда спрашивал, как мои спортивные успехи, ему явно становилось не по себе, если я начинал подробно рассказывать, – он совершенно не разбирался в спорте и ни в одной команде в жизни не играл. Единственный раз папа пришел на баскетбольный матч, когда я был в десятом классе, и занял место на трибуне – странный лысеющий чудик в поношенной спортивной куртке и не подходящих по цвету носках. Отец не был грузным, но пояс его брюк скрывался между складками на животе, словно он был на третьем месяце беременности. Я почувствовал, что не хочу иметь с ним ничего общего. Мне было так неловко за отца, и после матча я к нему не подошел. За это я собой не горжусь, но уж каков есть.

Дальше – хуже. В одиннадцатом классе мой бунт достиг апогея. За два года оценки у меня значительно снизились – скорее от лени и небрежения, нежели от отсутствия ума (как мне нравится думать). Несколько раз отец ловил меня поздно вечером, когда я пытался незаметно проникнуть в дом (от меня разило, как из бочки). Однажды я прибыл домой с полицейским эскортом после

вечеринки, где в открытую употребляли наркоту и спиртное. В наказание папа запер меня дома, и я демонстративно сбежал на две недели к приятелю, разозлившись на него за то, что лезет не в свое дело. Когда я вернулся домой, папа ничего не сказал, а утром на столе меня, как всегда, ждали яичница и тост с беконом. Выпускные экзамены я кое-как сдал – подозреваю, что незаслуженные удовлетворительные оценки стали своего рода маленькой взяткой за избавление школы от записного хулигана. Я видел, что отец беспокоится: иногда он в своей тихой манере заводил разговор о колледже, но к тому времени твердо решил обойтись без высшего образования: я хотел работу, машину и все материальные блага, которых не видел восемнадцать лет.

Я скрывал правду до конца выпускных, но когда отец узнал, что я не подал заявление о приеме в двухгодичный колледж, он заперся в «берлоге» на весь остаток вечера и на следующее утро ничего не сказал мне за яичницей с беконом. Вечером того же дня он попытался увлечь меня дискуссией о монетах, как за соломинку хватаясь за наше прежнее дружеское общение, которое как-то незаметно сошло на нет.

– Помнишь, как мы ездили в Атланту, когда ты нашел пятицентовик с бизоном, который мы искали несколько лет? – начал он. – Нас еще тогда сфотографировали. Никогда не забуду, как ты был счастлив. Это напомнило мне о детстве и о моем отце.

Я помотал головой. Все разочарование жизнью, которую вел отец, вдруг рванулось на поверхность.

– Меня достало слушать про монеты! – заорал я на него. – Знать их больше не хочу! Тебе нужно продать чертову коллекцию и заняться чем-то еще, чем угодно!

Отец промолчал, но до сегодняшнего дня я не забыл выражение муки на его лице. Отвернувшись, он поплелся в свою «берлогу». Я обидел его, и хотя говорил себе, что не хотел, так получилось, я кривил душой. С того дня отец редко заводил речь о монетах. Я тоже помалкивал. Между нами разверзлась пропасть – нам стало нечего сказать друг другу. Через несколько дней я заметил, что наша единственная фотография исчезла со стола, словно отец боялся, что малейшее напоминание о монетах оскорбит мои чувства. В тот момент, пожалуй, так оно и было. Я решил, что отец попросту выбросил снимок, и это меня совершенно не тронуло.

Пока я рос, мне как-то не приходила в голову мысль пойти в армию, хотя восточная часть Северной Каролины – один из самых густо усеянных военными объектами районов (в нескольких часах езды от Уилмингтона семь военных баз). Я привык считать, что армейская карьера – это для лузеров. Кому охота, чтобы тобой всю жизнь помыкали всякие стриженые шестерки? Вот уж не мне и не моим одноклассникам, кроме разве что некоторых парней, записавшихся на курсы вневойсковой подготовки офицеров резерва. Основная масса зубрилок поступили в университет Северной Каролины или в государственный университет Северной Каролины; те, кто учился неважно, поддержали свое реноме аутсайдеров, перебиваясь кое-как, попивая пиво, болтаясь по городу и как огня сторонясь любой работы, которая требовала хоть капли ответственности.

Я попал во вторую категорию. За два года после окончания школы я сменил несколько мест работы – собирал на тележку грязную посуду со столов в «Захолустном стейк-хаусе», отрывал корешки билетов в местном кинотеатре, таскал коробки в «Стэплс», пек блины в «Уофел-Хаусе» и работал кассиром в двух магазинчиках для туристов, где продают всякий хлам для отдыхающих горожан. Я тратил все заработанные деньги до копейки, питал ноль иллюзий насчет продвижения по служебной лестнице, и рано или поздно меня отовсюду увольняли. Какое-то время мне было все равно: я жил в свое удовольствие, допоздна катался на серфе, ночевал на работе и вовсю пользовался преимуществами жизни с родителем – не тратил ни цента на оплату квартиры, еду, медицинскую страховку и сбережения на черный день. Впрочем, у других дела шли не лучше. Я не чувствовал себя особенно несчастным, но через какое-то время начал уставать от такой жизни. Не от катания на серфе, разумеется, – в 1996 году по побережью пронеслись ураганы Берта и Фрэн, обеспечив мне лучшие волны за несколько лет, – но от бесцельного сидения в баре «Лерой» после серфинга. Я начал понимать, что все вечера похожи один на другой: я так и буду пить пиво, изредка встречая в баре кого-нибудь из бывших одноклассников, и он будет спрашивать, чем я занимаюсь, и я буду отвечать; затем он расскажет, чем занимается сам, и не нужно быть гением, чтобы понять – мы оба на гладеньком шоссе в никуда. Даже если у кого-то имелось собственное жилье, которого не было у меня, я не верил их признаниям в любви должности копателя канав, или мойщика окон, или перевозчика уличных туалетных кабинок. Я отлично знал, что не о такой профессии они мечтали подростками. Я мог лениться на уроках, но дураком не был.

В тот период я крутил, наверное, с десятком девиц – в «Лерое» всегда много юбок. Большинство романов скоро забылись – я использовал женщин и позволял использовать себя без малейшего сердечного трепета. Лишь связь с девушкой по имени Люси продлилась дольше двух месяцев, и незадолго до неминуемого разрыва я даже начал думать, что влюблен в нее. Она была студенткой университета Северной Каролины в Уилмингтоне, на год старше меня, и после выпуска желала работать в Нью-Йорке.

– Ты мне небезразличен, – сказала Люси в нашу последнюю ночь. – Но у нас с тобой разные цели. Ты способен на многое, но по какой-то причине тебя устраивает тупо дрейфовать. – После паузы она продолжила: – И потом, я даже не знаю, как ты ко мне на самом деле относишься.

Возразить было нечего – Люси была права. Вскоре она улетела, не утруждая себя прощанием. Через год я ей позвонил, выпросив телефон у ее родителей. Мы говорили минут двадцать. Люси сообщила, что обручилась с поверенным и что свадьба в июне.

Телефонный разговор задел меня сильнее, чем я ожидал. Я позвонил Люси как раз в тот день, когда меня в очередной раз уволили, и я пошел утешаться в «Лерой», где отиралась все та же компания лузеров. Я вдруг почувствовал, что не хочу терять еще один вечер, притворяясь, что все у меня в жизни хорошо. Я купил упаковку пива и пошел на пляж. Впервые за много лет я серьезно задумался, как жить дальше, и даже засомневался, не стоило ли последовать совету отца и поступить хоть в двухлетний колледж, однако я настолько отошел от школы и учебы вообще, что идея показалась мне нелепой и чуждой. Зовите это удачей или роковым стечением обстоятельств, но как раз в эту минуту мимо пробежали два морских пехотинца, молодые, подтянутые, приятно уверенные в себе. Если они так могут, сказал я себе, то и я смогу.

Я обдумывал все это пару дней и наконец поставил папу в известность о своем решении (не то чтобы обсудил с ним свои планы – к тому времени мы уже не разговаривали). Вечером я зашел в кухню: папа, как обычно, сидел за столом, – и вдруг увидел отца словно впервые. От его шевелюры мало что осталось, редкие волосы, сохранившиеся над ушами, заметно серебрились. Он скоро должен был пойти на пенсию, и меня больно кольнула мысль, что я не имею права подвести отца после всего, что он для меня сделал.

Вот так я пошел в армию. Сначала хотел поступить в морскую пехоту, потому что именно морпехов знал лучше всего – в Райтсвилл-Бич яблоку негде было упасть от стриженых здоровяков с базы Лежен или с Черри-Пойнт, однако, когда пришло время, выбрал армию. Я глубокомысленно рассуждал, что автомат мне все равно дадут, но в дело вмешался случай: когда я явился на пункт вербовки новобранцев в морскую пехоту, оказалось, что офицер ушел на обед, а его коллега, ведавший набором в армию (его офис располагался на той же улице, почти напротив), оказался на месте. Мое решение было скорее спонтанным, чем обдуманным, но я лихо расписался на пунктирной линии четырехлетнего контракта. Прощаясь, офицер похлопал меня по спине и поздравил, и я, идя к двери, с любопытством соображал, во что, собственно, ввязался. Это произошло в конце 1997 года, и было мне двадцать лет.

Тренировочный лагерь для новобранцев в Форт-Беннинге оказался именно такой дырой, как я и представлял. Весь уклад, казалось, призван был унизить нас и промыть мозги, дабы мы беспрекословно подчинялись приказам, какими бы идиотскими они ни казались. Но я адаптировался быстрее, чем многие. Пройдя лагерное чистилище, я выбрал пехоту, и следующие несколько месяцев мы провели на военных учениях в Луизиане и старом добром Форт-Брэгге, где изучали самые эффективные способы убивать людей и ломать вещи. Через некоторое время мою часть в составе Первой пехотной дивизии послали в Германию. Я ни слова не знал по-немецки, но это мне не мешало: практически все, с кем приходилось иметь дело, говорили по-английски. Сперва было легко, потом началась армейская жизнь. Я провел семь препаршивых месяцев на Балканах – сперва в Македонии в 1999-м, затем в Косово, где оставался до конца весны 2000 года. Платили нам скудно, но, учитывая отсутствие расходов на квартплату, еду и вообще что-либо, на что мне захотелось бы расходовать полученные чеки, на моей карточке скопилась кое-какая сумма – не много, но достаточно.

Первый отпуск я провел дома, заскучав до полного озверения. Второй отпуск провел в Лас-Вегасе: там вырос один из моих приятелей, и мы втроем разнесли квартиру его родителей. В Вегасе я спустил большую часть своих сбережений. Третий отпуск я решил снова провести дома, нуждаясь в каком-то перерыве после Косово и надеясь, что привычная скука окажется целительной. По причине значительной удаленности мы с отцом редко перезванивались, однако папа регулярно писал мне письма, причем на конверте неизменно красовался почтовый штемпель с первым числом каждого месяца. Папины письма не были похожи на те, что получали мои товарищи от матерей, сестер или жен: ничего задушевно-сентиментального, ничего, позволяющего предположить, что отец по

мне скучает, и ни единого слова о монетах. Папа писал о переменах в нашем районе, в основном о погоде. Когда в письме с Балкан я описал неслабую переделку со стрельбой, в которой мы побывали, папа ответил что-то вроде «рад, что ты, сынок, выжил», но и только. По тщательному подбору фраз я понял – отец не хочет слышать об опасных вещах, которыми занимаюсь. Его ужаснуло, что я побывал в опасной передряге, поэтому мне пришлось пропускать леденящие кровь подробности. С тех пор я писал, что караульная служба, без сомнения, самая скучная штука на свете и что единственным моим развлечением много недель было гадать, сколько сигарет напарник выкурит за вечер. Каждое письмо папа заканчивал обещанием скоро написать и ни разу меня не подвел. Спустя много лет я пришел к выводу, что до лучших сторон отцовского характера мне, пожалуй, никогда не дорасти.

За три года в армии я повзрослел. Да, опять избитое клише – пошел в армию мальчишкой, вернулся мужчиной и все такое. Но военная служба любого заставит поумнеть, особенно пехотинца. Тебе доверяют снаряжение, которое стоит целое состояние, от тебя многое зависит, и если ты облажался, тебя ждет наказание куда серьезнее, чем отправиться спать без ужина. Конечно, в армии слишком много бумажной работы и скуки, практически все курят и не в состоянии сказать и фразы, не приправив ее крепким словцом, у каждого под койкой коробка с грязными журнальчиками, и приходится вытягиваться в струнку перед не нюхавшими пороху выпускничками курсов вневойсковой подготовки офицеров резерва, уверенными, что у пехотинцев вроде нас ай-кью неандертальца. Но ты волей-неволей усваиваешь самый важный урок – у каждого в жизни есть обязанности, и лучше выполнять их как следует. Получив приказ, ты не имеешь права сказать «нет» – на кон поставлены многие жизни. Одно неверное решение, и твой товарищ может погибнуть. На этом стоит армия. Многих удивляет, как это солдаты могут день за днем рисковать жизнью или воевать за то, во что не верят. Верят не все, это так. Мне довелось работать с людьми, наверное, всех оттенков спектра политических убеждений. Среди солдат попадались те, кто ненавидел армию, и те, кто бредил военной карьерой, приходилось иметь дело и с гениями, и с идиотами, но когда прекращают говорить политики и начинают говорить пушки, мы делаем то, что делаем, друг для друга. Ради нашей дружбы. Не ради страны, не ради патриотизма, не потому, что мы запрограммированные на убийство киборги, но ради товарища, стоящего рядом с тобой. Сражаешься за своего друга, чтобы он выжил, а он бьется за тебя, и вся армия построена на этой простой истине.

Словом, как уже сказано, я повзрослел и изменился. Когда уходил в армию, я курил и в Форт-Брэгге выкашлял и выплюнул чуть не целое легкое, но в отличие

практически от всех в нашей части бросил курить и не притрагивался к сигаретам больше двух лет. Я почти завязал с выпивкой – одной-двух бутылок пива в неделю стало достаточно (вообще целый месяц легко мог прожить без капли спиртного). Мой послужной список был безупречен: меня повысили с рядового до капрала, а через шесть месяцев – до сержанта, и я открыл в себе новую способность – руководить. Я водил людей в бой, мой взвод участвовал в пленении одного из самых известных военных преступников на Балканах. Мой командир рекомендовал меня в офицерскую кандидатскую школу в Форт-Беннинге, и я колебался, не пойти ли и впрямь учиться на офицера. Однако иногда это означает лишь дополнительную бумажную работу и писанину, а к этому у меня душа не лежала. Кроме серфинга, до поступления в армию я несколько лет не занимался спортом. К третьему отпуску, однако, я оброс двадцатью фунтами мышц и распрощался с дряблым животом. Большую часть свободного времени я проводил, бегая, боксируя, поднимая штангу и размахивая гантелями на пару с Тони, качком из Нью-Йорка, который не умел разговаривать иначе как криком, клялся, что текила – афродизиак, и был моим лучшим другом во всей армии. Тони уговорил меня сделать татуировки на предплечьях, как у него, и с каждым днем воспоминания о прошлой жизни становились все более далекими и туманными.

Еще я много читал. В армии хватает времени для чтения; книги ходили по всей казарме, пока обложки вконец не истреплются; перечитав все, я шел в библиотеку. Только не подумайте, что я заделался ботаником – я не увлекался Чосером, Прустом, Достоевским и другими давно умершими гениями. В основном читал детективы, триллеры, романы Стивена Кинга и пристрастился к Карлу Хайасену – язык его произведений отличался особой легкостью и юмором. Замечу в скобках – если бы эти книги читали в школах на уроках английского, мировая популярность американских авторов заметно возросла бы.

В отличие от большинства товарищей я сторонился женщин. Странно, правда? Лучшие молодые годы, занятие, стимулирующее выработку тестостерона, – что может быть естественнее, чем разрядить напряжение с помощью женщины? Но это было не для меня. Некоторые из наших встречались и даже женились на местных, когда мы стояли в Вюрцбурге, но я имел возможность убедиться, что эти браки редко оказывались прочными. С военными вообще трудно в смысле совместной жизни – поверьте, я наслушался о разводах, – и хотя не возражал бы против общества какой-нибудь особенной девчонки, мне такие не попадались. Тони этого в упор не понимал.

– Ну составь ты мне компанию! – умолял он. – Никогда тебя не допросишься!

– Нет настроения.

– Как это – нет? Сабина клялась, что ее подружка – красавица. Высокая блондинка и любит текилу.

– Возьми с собой Дона. Он всегда готов.

– Кастелоу? Обойдется. Сабина его терпеть не может.

Я промолчал.

– Пошли, развеемся немного!

Я покачал головой, думая, что скорее соглашусь сидеть в одиночестве, чем снова подамся в прежние охламоны, но тут же в голову пришла мысль, не суждено ли и мне долгие годы жить монахом а-ля папаша.

Зная, что меня не переубедить, Тони не скрыл своего отвращения, бросив по пути к выходу:

– Иногда я тебя просто не понимаю!

В аэропорту отец меня сперва не узнал и даже подскочил, когда я тронул его за плечо. Папа оказался меньше ростом и худее, чем я запомнил. Вместо объятий он пожал мне руку и осведомился, как прошел полет. Ни один из нас не знал, что еще говорить, и мы пошли из терминала к машине. Знакомая обстановка казалась чужой и непривычной, и я ощутил какое-то нетерпеливое раздражение, совсем как в прошлый отпуск. Запихивая сумку в багажник, я заметил на бампере доисторического «форда-эскорт» стикер с надписью «Поддержим наши войска!». Не знаю, как в действительности к этому относился отец, но мне было приятно увидеть этот слоган.

Дома я сложил вещи в своей старой комнате, где все было на привычных местах, включая пыльные трофеи на полке и припрятанную полупустую бутылку «Дикой

индейки» в выдвижном ящике с бельем. Остальной интерьер тоже не претерпел ни малейших изменений: диван в гостиной по-прежнему был накрыт одеялом, ядовито-зеленый холодильник не сочетался ни с чем на кухне, и телевизор кое-как ловил все те же четыре канала. Папа варил спагетти. В пятницу всегда были макароны. За ужином я попытался завязать разговор.

– Приятно все-таки вернуться под родной кров, – начал я.

Улыбка отца была мимолетной.

– Хорошо, – сказал он, отпил молока – за ужином мы всегда пили молоко – и сосредоточенно уткнулся в свою тарелку.

– Помнишь Тони? – продолжал я. – Кажется, я о нем писал? Так вот тебе новость – он влюбился. Ее зовут Сабина, и у нее шестилетняя дочь. Я говорил ему, что это не самый удачный вариант, но он и слушать ничего не хочет.

Папа тщательно трусил пармезан на свои макароны, стараясь ровно распределить сыр по спагетти, не пропустив ни сантиметра.

– О! – сказал он. – О’кей.

После этого мы молчали. Я поел. Выпил молока. Еще поел. На стене тикали часы.

– Небось радуешься, что в этом году пойдешь на пенсию? – предположил я. – Только подумай, будешь путешествовать, увидишь мир…

Я едва не сказал, чтобы он приехал навестить меня в Германии, но вовремя остановился. Я знал, что отец не поедет, и не хотел ставить его в неловкое положение. Мы одновременно накручивали спагетти на вилки, пока отец обдумывал ответ.

– Я не знаю, – сказал он наконец.

Я бросил попытки его разговорить, и остаток ужина единственными звуками, раздававшимися в кухне, было звяканье вилок о тарелки. Доев спагетти, мы разошлись по разным комнатам. Порядком устав с дороги, я завалился спать и

просыпался каждый час, как привык на базе. К тому времени, как я встал утром, папа уже ушел на работу. Я поел, почитал газету, безуспешно попытался дозвониться приятелю, затем извлек из гаража свою доску для серфинга и поплелся на пляж. Волны были низкие, но мне было все равно – я не катался на доске три года и сперва был неуклюж, невольно жалея, что наша военная база расположена не на побережье.

Это было начало июня 2000 года. Погода установилась жаркая, и морская вода приятно освежала. Балансируя на волночках, с моего наблюдательного пункта на доске я видел, как народ перетаскивает вещи в летние домики на дюнах. Как я уже говорил, Райтсвилл-Бич всегда переполнен семьями, снимающими коттеджи на неделю-две, но иногда сюда приезжают студенты из Чапел-Хилла или Роли. Меня интересовали как раз последние. Позади одного из домов у пирса группа молодых девушек в бикини занимала места на деревянном настиле. Некоторое время я наблюдал за ними оценивающим взглядом, но затем поймал следующую волну и остаток дня провел, забыв обо всем, кроме моего маленького водного мира.

Я подумывал сходить по старой памяти в «Лерой», но рассудил, что на этом фронте без перемен, поэтому купил бутылку пива в киоске на углу и уселся на пирсе любоваться солнечным закатом. Большинство удивших с пирса рыбаков уже ушли, а немногие оставшиеся разбирали улов, выбрасывая в воду то, что похуже. Через некоторое время океан из свинцово-серого стал огненно-оранжевым, затем желтым. В бурунах за пирсом я видел, как пеликаны катаются на спинах дельфинов, игравших в волнах. Я знал, что сегодня первая ночь полнолуния – боевой опыт учит подмечать такие вещи почти бессознательно. Я бездумно смотрел вокруг, отпустив мысли на волю и предоставив им бродить где хочется. Поверьте мне, романтическое знакомство было последним, о чем я тогда думал.

В этот момент я и заметил ее – она шла по пирсу. Вернее, по пирсу шли две девушки: высокая тонкая блондинка и красивая брюнетка, обе моложе меня. Студентки, решил я. Девушки были в шортах и майках, а брюнетка несла большую вязаную сумку – из тех, которые люди берут с собой, когда собираются провести на пляже несколько часов с детьми.

– Привет, – сказал я, когда они подошли близко. Заигрывать я явно разучился – ответа можно было не ждать.

Блондинка подтвердила правоту моих предположений, саркастически покосившись на лежавшую рядом доску для серфинга и пиво у меня в руке. Однако брюнетка меня удивила.

– Привет, незнакомец, – отозвалась она с улыбкой и показала на доску: – Надеюсь, волны сегодня были хорошие?

Вопрос застал меня врасплох – в голосе говорившей звучала неожиданная доброта. Они с подругой прошли до конца пирса, и я не отрываясь смотрел, как брюнетка облокотилась на перила. Я поколебался, не подойти ли толком представиться, но решил не подходить. Они были не в моем вкусе. Вернее, это я был героем не их романа. И я отпил хороший длинный глоток из бутылки, решив девиц игнорировать.

Решать я мог сколько угодно, но мой взгляд то и дело сам собой возвращался к брюнетке. Я пытался не слушать, о чем они говорили, но у блондинки оказался на редкость пронзительный голос. Она без умолку трещала о каком-то парне по имени Брэд, и как сильно она его любит, и что их университетский женский клуб лучший в Северной Каролине, и что вечеринка по случаю окончания курса удалась на славу, и что брюнетка должна непременно присоединиться к ним в следующем году, и что многие ее подруги путаются с самыми скверными мальчиками из общежития, а одна даже забеременела и сама виновата, ибо ее предупреждали. Брюнетка говорила мало – я даже не понял, забавляется она или тяготится беседой, но иногда она смеялась, и в ее голосе мне снова чудилось нечто дружеское и понимающее, вызывающее мысли о возвращении домой, что, разумеется, не имело никакого смысла. Отставляя пустую бутылку, я заметил, что сумку брюнетка пристроила на перила.

Они стояли там минут десять, прежде чем на пирсе появились два парня – тоже студенты, как я решил, – в оранжевой и розовой рубашках-лакоста навыпуск поверх бермудов и с открытыми бутылками пива в руках. У меня мелькнула мысль, что это наверняка Брэд, о котором говорила блондинка, и его приятель. Приближаясь, они перешли на бесшумный скрад, желая напугать девушек. Я так и ждал, что после краткого взрыва удивления, дополненного визгом и парой шлепков по рукам, вся компания отправится с пирса на поиски развлечений, смеясь, хихикая и занимаясь всем, чем занимаются студенческие парочки.

Так бы и произошло, потому что парни повели себя в точности как я предположил. Подобравшись поближе, они с оглушительным воплем схватили

девушек, те вскрикнули, и последовала непродолжительная раздача дружеских шлепков. Парни ухали и гикали от удовольствия, а Розовая Рубашка расплескал пиво. Он привалился спиной к перилам рядом с сумкой, удобно облокотившись на перекладину и скрестив ноги.

– Эй, костерок будет готов через пару минут, – сказал Оранжевая Рубашка, обнимая блондинку и целуя ее в шею. – Пойдем, что ли?

– Пойдем? – спросила блондинка у товарки.

– Да, – ответила та.

Розовая Рубашка оттолкнулся от перил, но, видимо, задел сумку, потому что она перекосилась и через секунду сорвалась с перил. Раздался всплеск, словно в воде играла рыба.

– Что это было? – спросил он, повернувшись.

– Моя сумка! – выдохнула брюнетка. – Ты ее столкнул!

– А, ну извини, – сказал парень без особого огорчения.

– Там же кошелек!

Он нахмурился:

– Я же извинился!

– Вы должны достать сумку, пока она не пошла ко дну!

Студентики словно окаменели. Я видел, что ни у одного из них нет ни малейшего намерения прыгать в воду. Во-первых, сумку они скорее всего не найдут. Во-вторых, придется возвращаться на берег вплавь, а врачи не рекомендуют лезть в воду после принятия на грудь, что, очевидно, имело место. Наверное, брюнетка тоже прочла что-то такое на лице Розовой Рубашки, потому что обеими руками взялась за перила и поставила ногу на нижнюю перекладину.

– Не будь дурой, сумка пропала! – урезонивал ее Розовая Рубашка. – Кто нормальный отсюда сиганет? А вдруг там акулы? Подумаешь, кошелек, я тебе новый куплю!

– Там все мои деньги!

Конечно, нечего было вмешиваться не в свое дело, но все, о чем я думал, вскакивая на ноги и бросаясь к краю пирса, – а, была не была…

Глава 2

Полагаю, читатель ждет объяснений, почему я прыгнул в волны, чтобы достать сумку. Уверяю вас, не потому, что хотел заработать ореол героя, произвести впечатление или, еще того меньше, вернуть ей деньги. Причиной моего поступка была искренность ее улыбки и тепло смеха. Еще в прыжке я ругал себя за некстати проявленную сентиментальность, но было поздно. Врезавшись в воду, я погрузился в глубину, но тут же, как пробка, выскочил на поверхность. Четыре лица смотрели на меня над перилами. Розовая Рубашка был явно раздосадован.

– Где она? – крикнул я вверх.

– Вон там! – ответила брюнетка. – Кажется, я ее вижу. Она тонет…

Минуту я высматривал сумку под водой в тусклом свете угасавшего дня, борясь с океанским прибоем, который твердо решил впечатать меня в пирс, но в конце концов схватил ее и поплыл, держа сумку над водой, хотя она уже промокла. Волны сделали заплыв до берега менее трудным, чем я ожидал. Иногда я поглядывал вверх и видел, как четыре человека идут к берегу по пирсу наравне со мной.

Наконец я почувствовал под ногами дно и кое-как выбрался на сушу. Потряс головой, вытряхивая воду из волос, пошел вверх по песку и встретил четверку на пляже. Я протянул сумку:

– Вот, держите.

– Спасибо, – сказал брюнетка. Наши глаза встретились, и, клянусь, я услышал, как что-то щелкнуло, словно ключ повернулся в замке. Поверьте, я не романтик, никогда не верил в любовь с первого взгляда и до сих пор не верю, но в тот момент я реально что-то почувствовал и не смог отвести взгляд.

Вблизи она оказалась еще красивее, но дело даже не в том, как она выглядела, а в том, какой она была. И дело не только в ее улыбке, открывавшей немного широко поставленные белые зубы, но в непринужденности, с которой она заправила за ухо выбившуюся прядь волос, в легкости, с которой она держалась.

– Вы не обязаны были это делать, – сказала она с легким удивлением в голосе. – Моя сумка, мне и доставать.

– Да, я видел, как вы готовились прыгнуть, – кивнул я.

Она склонила голову набок.

– Не смогли противостоять спонтанному порыву помочь женщине в беде?

– Вроде того.

Секунду она оценивала мой ответ, затем занялась сумкой: начала вынимать оттуда содержимое: длинный плоский кошелек-бумажник, темные очки, козырек от солнца, крем от загара – и складывать все это добро на руки блондинке. Опустошив сумку, хозяйка выкрутила ее, как белье.

– Твои фотографии промокли, – с сожалением сказала блондинка, открыв бумажник.

Брюнетка не обратила внимания на ее слова, продолжая выжимать сумку, скручивая ее то так, то эдак. Наконец она осталась довольна результатом и снова побросала вещи в сумку.

– Еще раз спасибо, – сказала она с заметным тягучим акцентом. Наверное, выросла в горах возле Буна или на западе штата, на границе с Южной

Каролиной.

– Не за что, – пробормотал я, но не двинулся с места.

– Эй, может, он ждет вознаграждения, – вмешался Розовая Рубашка нарочито громким голосом.

Брюнетка взглянула на него и снова посмотрела на меня:

– Вам нужно вознаграждение?

– Нет. – Я отрицательно махнул ладонью. – Рад был помочь.

– Я всегда знала, что рыцарство не умерло, – объявила брюнетка. Я ждал издевательских ноток в ее голосе, но не услышал ничего похожего на насмешку.

Оранжевая Рубашка, прижимавший к себе блондинку, смерил меня взглядом, задержавшись на ежике волос.

– Морская пехота? – поинтересовался он.

Я покачал головой:

– О нет, я не один из «избранных и гордых». Я хотел реализоваться по максимуму и пошел в армию.

Брюнетка засмеялась. В отличие от моего отца она иногда смотрела рекламу.

– Меня зовут Саванна, – сказала она, протянув руку. – Саванна Линн Кертис. А это Брэд, Рэнди и Сьюзен.

– Джон Тайри, – сказал я, пожав протянутую руку, теплую и мягкую, как бархат, с внешней стороны, но с ощутимыми мозолями на ладони. Я вдруг осознал, как давно не притрагивался к женщине.

– По-моему, я должна вас как-то отблагодарить.

– Вовсе нет!

– Вы уже ели? – спросила она, не обратив внимания на мой ответ. – Мы как раз собирались устроить пикник, а потом пойти куда-нибудь, благо мест хватает. Хотите с нами?

Парни переглянулись. Розовая Рубашка заметно помрачнел, что, признаюсь, подняло мне настроение. «Эй, может, он ждет вознаграждения»! Ну и поц!

– Правда, пойдем с нами, – выдавил Брэд, причем в его голосе не слышалось ни малейшего восторга. – Будет весело. Мы снимаем бунгало рядом с пирсом. – Он указал на один из домиков на пляже, где с полдюжины людей отдыхали на открытой веранде.

У меня не было желания делить компанию со студентами, но Саванна так тепло улыбнулась мне, что слова вылетели прежде, чем я спохватился.

– Хорошая идея. Только заберу доску с пирса и приду.

– Тогда там и встретимся, – встрял Рэнди и сделал шаг к Саванне, но она не обратила на него внимания.

– Я пойду с вами, – сказала мне Саванна. – Это самое меньшее, что я могу сделать. – Она поправила сумку на плече. – Ну, всем до скорого, да?

Мы направились к песчаной дюне, где начиналась лестница на пирс. Ее друзья помедлили минуту, но когда Саванна пошла за мной след в след, медленно повернулись и побрели по пляжу. Уголком глаза я заметил, что блондинка обернулась через плечо Брэда и проводила нас взглядом. Рэнди тоже угрюмо посмотрел нам вслед. Я не был уверен, заметила ли что-нибудь Саванна, но когда мы отошли на несколько шагов, она сказала:

– Сьюзен, наверное, решила, что я с ума сошла.

– Почему?

– Потому что пошла с тобой. По ее мнению, Рэнди для меня идеальный кавалер. Сьюзен с самого приезда пытается свести нас в парочку, вот он за мной целый день по пятам и ходит.

Я кивнул, не зная, что отвечать. Полная сияющая луна медленно выплыла из-за горизонта. Саванна засмотрелась на нее. Волны, разбивавшиеся о берег, высоко рассыпая брызги, горели серебром, словно озаряемые вспышкой огромного фотоаппарата. Мы дошли до пирса. Перила были шершавыми от песка и соли, деревянные ступени, выбеленные солнцем и ветрами, уже начинали трескаться. Лестница заскрипела под нашими ногами.

– Где ты служишь? – спросила она.

– В Германии. Приехал на пару недель навестить отца. А ты откуда-то из горных районов, как я понимаю?

– Из Ленуара, – удивилась она и уставилась на меня. – А-а, мой акцент, да? То есть ты хочешь сказать, что я из провинции?

– Вовсе нет!

– А я – да, в смысле, из самого натурального захолустья. Я выросла на ранчо. У меня действительно акцент, но некоторые находят его очаровательным.

– Да, Рэнди тоже так считает.

Это сорвалось с языка, прежде чем я успел сдержаться. Возникла неловкая пауза. Саванна провела рукой по волосам.

– Рэнди производит впечатление приличного молодого человека, – сказала она после паузы. – Но я плохо его знаю. Я вообще мало знакома с обитателями нашего коттеджа, кроме Тима и Сьюзен. – Она отмахнулась от москита. – С Тимом ты сегодня познакомишься – отличный парень, вы поладите. С ним все ладят.

– Вы приехали отдохнуть недельку на море?

– Вообще-то месяц, но не отдыхать. Мы волонтеры программы «Жилье для людей», приехали строить дома. Моя семья уже много лет участвует в этой программе.

Видно было, как коттедж понемногу оживает в темноте. Начали появляться люди, включили музыку, то и дело раздавались взрывы смеха. Брэда, Сьюзен и Рэнди окружили многочисленные приятели и приятельницы, потягивавшие пиво. Вид у них был отнюдь не как у доброхотов и радетелей за благо общества; скорее они смахивали на богатеньких студентов, которые хотят хорошо провести время и склеить смазливого представителя противоположного пола. Заметив выражение моего лица, Саванна проследила за моим взглядом.

– Стройка начнется в понедельник. Они вскоре поймут, что наша миссия вовсе не праздник и игры.

– Я ничего и не говорю…

– Зато как смотришь… Но ты прав, большинство из них присоединились к программе в первый раз, да и то – чтобы было что написать в резюме, выпуск не за горами. Они понятия не имеют, сколько труда от них потребуется. Но с другой стороны, наша цель – построить дома, и они будут построены. Так всегда бывает.

– Ты уже занималась этим раньше?

– Каждое лето с шестнадцати лет. Сначала ездила от нашей церкви, а когда переехала в Чапел-Хилл, мы создали группу там. То есть это Тим основал группу. Он тоже из Ленуара. В этом году окончил колледж, а осенью продолжит учиться уже на магистра. Я его сто лет знаю. Вместо того чтобы летом торчать дома, помогая по хозяйству, или идти на студенческую практику, мы решили предоставить другим шанс сделать мир лучше. Коттедж снимаем в складчину, собственные расходы каждый тоже оплачивает сам, стройка благотворительная. Вот почему было так важно получить сумку обратно. Иначе мне целый месяц нечего было бы есть.

– Я уверен, друзья не дали бы тебе оголодать.

– Но это было бы нечестно! Они уже и так заняты стоящим делом, этого более чем достаточно.

Оскальзываясь, ступни погружались в сухой теплый песок.

– Почему Уилмингтон? – спросил я. – Для чего приезжать строить дома сюда, а не в Ленуар или Роли?

– Из-за пляжа. Ты же знаешь, каковы люди. Довольно трудно добиться от студентов согласия бесплатно работать целый месяц, но задача сильно облегчается, если стройка у моря. А чем больше людей соберешь, тем больше сделаешь. В этом году в нашу группу записались тридцать человек.

Я кивнул, думая о том, как близко от меня она идет.

– Ты тоже выпускница?

– Нет, мне остался последний курс. Специальность – коррекционное образование.

– Я как раз хотел спросить.

– Я так и поняла. Студентов все об этом спрашивают.

– А мне часто задают вопрос, нравится ли мне в армии.

– И как, нравится?

– Не знаю.

Саванна засмеялась. Смех у нее оказался таким мелодичным, что мне захотелось услышать его снова.

Мы дошли до конца пирса. Я поднял свою доску для серфа, а пустую пивную бутылку бросил в мусорную урну и услышал, как она брякнула внутри. Звезды поднялись выше и сияли у нас над головами. Дома со светящимися окнами,

протянувшиеся вдоль дюн, напоминали фонари из тыквы, что делают на Хэллоуин.

– Можно спросить, почему ты завербовался в армию? Ну, раз ты не знаешь, нравится тебе там или нет?

Секунду я обдумывал, что ответить, маскируя нерешительность тем, что перехватил доску другой рукой.

– Думаю, правильный ответ – в то время мне это требовалось.

Саванна подождала, не прибавлю ли я что-нибудь, а когда не прибавил, она просто кивнула.

– А что, хорошо вернуться домой на побывку?

– Без сомнения.

– А уж отец-то твой как рад!

– Вроде того.

– Наверняка рад. Не сомневаюсь, он очень гордится таким сыном.

– Может быть.

– Ты говоришь так, словно не уверен в его чувствах.

– Нужно знать моего отца, чтобы понять. Он не очень-то разговорчив.

В темных глазах девушки отразилась луна, и голос зазвучал мягче.

– Отцу не обязательно говорить вслух, что он гордится тобой. Иногда это проявляется иначе.

Я задумался – очень хотелось надеяться, что это правда, – но мои размышления прервал громкий вопль, донесшийся от дома. Возле костра резвилась парочка: парень, крепко обняв девушку, подталкивал ее вперед, она, хохоча, отбивалась. Брэд и Сьюзен обжимались неподалеку, а вот Рэнди как сквозь землю провалился.

– Значит, ты почти не знаешь людей, с которыми придется жить целый месяц?

Саванна отрицательно покачала головой – гладкие пряди волос разлетелись по плечам – и снова поправила непослушную прядку.

– Не очень близко. Большинство из них я впервые увидела во время записи, а второй раз – сегодня. Кого-то я могла видеть в студгородке. Между собой они хорошо знакомы по всяким студенческим братствам и женским клубам, а я до сих пор живу в общежитии. Однако состав подобрался хороший.

Услышав ее ответ, я сделал вывод: Саванна относится к разряду таких людей, которые никогда не скажут плохого о других. Ее уважение к окружающим показалось мне живительно-приятным и зрелым, но совсем не удивительным. Это было частью той не поддающейся объяснению особости, которую я почувствовал в Саванне с первой минуты, – своеобразного стиля, выделявшего ее из остальных.

– Сколько тебе лет? – спросил я, когда мы подошли к коттеджу.

– Двадцать один исполнился в прошлом месяце. А тебе?

– Двадцать три. У тебя есть братья, сестры?

– Нет, я единственный ребенок. Родители живут душа в душу, уже серебряную свадьбу справили. А у тебя?

– То же самое, за исключением того, что наша семья состоит из отца и меня.

Я ожидал расспросов о том, куда же делась моя мать, но, к моему удивлению, ничего такого не последовало. Саванна лишь полюбопытствовала:

– Это отец научил тебя серфингу?

– Нет, я научился сам, еще в детстве.

– Ты здорово катаешься. Я за тобой наблюдала. Скользишь с такой легкостью, с такой грацией – даже самой захотелось.

– С удовольствием тебя научу, – вызвался я. – Это нетрудно. Я буду на пляже завтра.

Саванна остановилась и пристально посмотрела на меня.

– Только не надо давать обещаний, которые не собираешься выполнять. – Она взяла меня под руку – у меня тут же отнялся язык – и потянула к большому костру. – Ну что, готов к знакомству с новыми людьми?

Я с трудом сглотнул, удивляясь неожиданной сухости в горле, – такого со мной еще не бывало.

* * *

Дом был одним из стандартных трехэтажных чудищ с полуподземным гаражом и шестью-семью спальнями. Первый этаж окружала веранда с массивным деревянным настилом. С перил свисали полотенца, из ярко освещенных комнат слышался гул голосов – похоже, жильцы говорили все вместе на самые разные темы. На гриле, вынесенном на веранду, судя по запаху, жарились хот-доги и цыплята. За процессом следил парень без рубашки, но в широких штанах – видимо, косил под городского крутого. На крутого он объективно не тянул и впечатление производил самое комичное.

На песке в неглубокой яме горел большой костер. Вокруг на стульях сидели девушки в не по размеру больших спортивных фуфайках, строя абсолютное безразличие к стоявшим рядом парням. Парни якобы случайно принимали позы, подчеркивавшие размер их бицепсов или скульптурный пресс, и делали вид, что не замечают девушек. Я насмотрелся такого в «Лерое» – образованная или нет, молодежь везде молодежь. Всем было лет по двадцать, самый воздух дрожал от вожделения, а тут еще пляжная обстановка и пиво – словом, легко догадаться,

какое продолжение готовилось. Но я рассудил, что к тому времени меня здесь и след простынет.

Когда мы с Саванной подошли поближе, она секунду подумала и указала на понравившиеся места:

– Сядем вон там, поближе к дюне?

– Конечно.

Мы уселись лицом к огню. Некоторое время девушки оценивающе разглядывали меня, но вскоре вернулись к своим разговорам. К костру подошел Рэнди с бутылкой пива в руке, но, заметив Саванну и меня, повернулся спиной, последовав примеру девиц.

– Цыпленка или хот-дог? – спросила Саванна, оставшаяся безразличной к этой пантомиме.

– Цыпленка.

– А что будешь пить?

В свете костра она казалась по-новому загадочной.

– Что есть, то и пойдет. Спасибо.

– Сейчас вернусь.

Она пошла к лестнице – я с трудом удержался, чтобы не пойти за ней. Вместо этого я направился к костру, стянул рубашку и разложил ее на пустом стуле поближе к огню. Вернувшись на место, я заметил, что недоделанный крутой в широких штанах флиртует с Саванной. Я невольно напрягся, но счел за благо отвернуться и сосчитать до тридцати. Я мало знал Саванну и мог только догадываться, что она обо мне думает. Кроме того, у меня не было желания начинать что-то, чего я не могу закончить: мне уезжать через две недели. Я приводил себе самые разумные доводы и отчасти даже поверил, что отчалю отсюда, как только дождусь цыпленка, но размышления были прерваны

появлением нового персонажа. Высокий и тощий, с темными уже редеющими волосами, аккуратно зачесанными на пробор, парень был из тех типов, которые с самого рождения выглядят потертыми жизнью.

– Вы, должно быть, Джон, – сказал он с улыбкой, присев передо мной на корточки. – Меня зовут Тим Уэддон. – Он протянул руку. – Я слышал, что вы сделали для Саванны. Между нами, она очень рада, что вы там оказались.

Я пожал ему руку.

– Будем знакомы.

Не обидевшись на мою сдержанность, Уэддон улыбнулся гораздо искреннее, чем Брэд или Рэнди, и – редкий случай – ни слова не сказал по поводу моих татуировок. Надо заметить, мои тату не маленькие и покрывают руки от плеч до запястий. Мне говорили: «Будешь жалеть, когда повзрослеешь», – но в то время, когда я их делал, мне было все равно. И до сих пор плевать.

– Можно тут присесть? – спросил он.

– Пожалуйста.

Уэддон пересел на стул, устроившись не чересчур близко, но и не слишком далеко.

– Хорошо, что ты пришел. Тут, конечно, не лукуллов пир, зато сытно. Ты есть хочешь?

– Умираю с голоду.

– Это у тебя после серфинга.

– Тоже катаешься на доске?

– Нет, но на побережье всегда ощущаю волчий голод. С детских каникул запомнилось – мы каждое лето ездили в Пайн-Нолл-Шорс. Ты там бывал?

– Только однажды. Все, что мне нужно, у меня есть здесь.

– Да, пожалуй. – Он кивнул на мою доску: – Предпочитаешь длинные доски?

– Мне любые нравятся, просто здешние волны больше подходят для длинных досок. Нормально покататься на коротких – это нужно ехать на Тихий океан.

– А тебе приходилось быть на Гавайях, Бали, в Новой Зеландии? Я читал, что там изумительно.

– Никак нет, – ответил я, удивившись, что собеседник что-то знает об излюбленных местах серферов. – Может, еще съезжу.

В костре треснуло полено, выбросив в небо сноп искр. Я сложил ладони вместе и переплел пальцы, зная, что сейчас моя очередь расспрашивать.

– Значит, вы приехали строить дома для бедных?

– Это Саванна сказала? Ну, во всяком случае, мы так планируем. Дома предназначаются для семей, давно заслуживающих улучшения условий. Надеюсь, к концу июля мы закончим строительство.

– Вы делаете доброе дело.

– Ну, не мы одни… Ох, подожди, я же хотел тебя попросить кое о чем!

– Неужели записаться к вам в волонтеры?

Тим Уэддон засмеялся:

– Нет, нет. Хотя я это не в первый раз слышу. Завидев меня, люди убегают в противоположном направлении. Наверное, по мне все сразу видно. Шансов, конечно, мало, но я хотел спросить, не знаешь ли ты моего двоюродного брата – он сейчас в Форт-Брэгге.

– Нет, – покачал я головой. – Моя часть находится в Германии.

– В Рамштайне?

– Нет, это летная база недалеко от нас. А откуда ты знаешь Рамштайн?

– В декабре я был во Франкфурте, встречал Рождество в семейном кругу. Мы ведь родом из Германии, дед с бабкой до сих пор там живут.

– Мир тесен.

– Ты научился говорить по-немецки?

– Ни слова.

– Вот и я тоже. Самое обидное, родители шпрехают свободно, дома я с детства слышал немецкую речь и перед Германией даже ходил на курсы, но у меня не получается, представляешь? Экзамен сдал чисто случайно. Все, что я мог, – это кивать за обеденным столом, притворяясь, что понимаю разговор. Единственное облегчение – брат оказался в той же лодке, так что мы тупили на пару.

Я засмеялся. У Тима Уэддона было открытое честное лицо, и, несмотря на намерение смыться сразу после цыпленка, я невольно проникся симпатией к своему собеседнику.

– Может, тебе что-нибудь принести поесть? – спросил он.

– Саванна уже пошла за едой.

– Ах, ну конечно – она же превосходная хозяйка. И всегда такой была.

– Она говорила, вы выросли вместе?

Уэддон кивнул.

– Ранчо ее семьи рядом с нашим. Мы ходили в одну школу, в одну церковь и поступили в один университет. Саванна мне как младшая сестра. Она особенная.

Несмотря на фразу насчет сестры, Уэддон произнес «особенная» так, что я догадался – его чувства к Саванне глубже, чем он хочет показать. Но в отличие от Рэнди Уэддон, казалось, ничуть не ревновал к тому, что она пригласила меня сюда. Не успел я додумать мысль, на лестнице появилась Саванна, проворно сошла по ступенькам и ступила на песок.

– Вижу, ты познакомился с Тимом, – кивнула она. В одной руке Саванна держала две тарелки с курятиной, картофельным салатом и жареной картошкой, в другой – две банки диетической пепси.

– Да, я подошел поблагодарить Джона за то, что он сделал, – поспешил объяснить Тим. – А потом принялся надоедать семейными историями.

– Хорошо. Я хотела, чтобы вы пообщались. – Она протянула нам тарелки. Как и Тим, Саванна никак не прокомментировала мою татуированную полунаготу. – Еда готова. Хочешь мою тарелку, Тим? Я могу сходить за другой.

– Нет, спасибо, сам схожу, – сказал Тим, вставая. – А вы давайте кушайте. – Он стряхнул песок с шорт. – Было приятно познакомиться, Джон. Будешь в наших краях – приходи, будем рады.

– Спасибо.

Тим уже бежал вверх по лестнице, не оглядываясь, по-дружески поздоровался с кем-то на ходу и одним прыжком перемахнул через оставшиеся ступеньки.

Саванна протянула мне тарелку с пластиковыми ножиком и вилкой, из другой руки отдала содовую и присела рядом – близко, но не настолько, чтобы соприкасаться локтями или коленями. Пристроив тарелку на колени, она открыла банку пепси и, поколебавшись, показала ее мне.

– На пирсе ты пил пиво, но сейчас сказал – сойдет что угодно, поэтому я принесла тебе пепси. Я точно не знаю, что ты любишь.

– Пепси – это здорово.

– Точно? А то в кулерах полно пива. Я кое-что слышала о вас, военных…

– Ну еще бы, – фыркнул я, открыв банку. – Я так понял, ты не пьешь.

– Не пью, – согласилась она без тени вызова или самодовольства в голосе. Просто правдиво ответила. Мне это понравилось.

Она съела кусочек цыпленка. Я тоже занялся своей курятиной и в наступившем молчании гадал, знает ли Саванна о чувствах Тима и как сама к нему относится. Что-то между ними есть, но я не мог понять что. Может, Тим прав и это лишь братско-сестринская привязанность? В это верилось с трудом.

– А как ты служишь в армии? – спросила Саванна, отложив наконец вилку.

– Я сержант пехоты. Командую отделением автоматчиков.

– Но как это? Что вы делаете каждый день? Стреляете из автоматов, взрываете или что?

– Иногда стреляем, иногда взрываем. Вообще гарнизонная жизнь нудная и скучная. Утром в шесть построение, проверка – ну, все ли на месте, затем расходимся по отделениям на тренировки. Баскетбол, бег, силовые, все такое. Иногда на день намечены учения – это помимо сборки и разборки оружия, или ночные учения на местности, или идем на стрельбище. Если ничего не запланировано, возвращаемся в казармы, и тогда кто-то режется в видеоигры, кто-то читает, кто-то идет качаться, и так весь день. В четыре вечернее построение, где нам объявляют, что мы делаем завтра. И все, на сегодня служба закончена.

– Видеоигры, значит?

– Лично я тренируюсь и читаю. Но мои приятели стали просто профессионалами в компьютерных стрелялках. Чем жестче игра, тем больше им нравится.

– А что ты читаешь?

Я сказал что. Она немного подумала.

– А что бывает, когда вас посылают в зону военных действий?

– Тогда, – сказал я, приканчивая цыпленка, – все по-другому. Патрулирование, опять же техника вечно ломается – нужно чинить, поэтому мы всегда при деле, даже когда не в наряде. Пехота – наземный род войск, так что в казармах не сидим.

– А тебе бывало страшно?

Я некоторое время подыскивал правильный ответ.

– Да. Иногда. Не то чтобы мы все время потеем от страха, озираясь по сторонам, пусть даже вокруг настоящий ад. Просто это… ну, естественная реакция, что ли, стремление остаться в живых. Все происходит настолько быстро, что у тебя нет времени на раздумья, просто делаешь свое дело, стараясь, чтобы тебя не кокнули. Страх накрывает позже. После боя помаленьку доходит, как близко от тебя прошла смерть, и тогда кого-то начинает трясти, кого-то может вырвать – в общем, реакция.

– Вот интересно, смогла бы я так же?

Я счел вопрос риторическим и сменил тему.

– А почему ты выбрала коррекционное воспитание?

– Это долгая история. Ты готов слушать?

Я кивнул. Саванна набрала воздуха в грудь.

– Есть в Ленуаре мальчик по имени Алан, который рос, можно сказать, у меня на глазах. Он болен аутизмом, и долгое время никто не знал, что с ним делать и куда его девать. Однажды мне стало его ужасно жаль, хотя я была еще маленькая. Мои родители говорили – может, у Господа особые планы на его счет. Сперва это казалось мне бессмыслицей, но у Алана был старший брат, который всегда был с ним очень терпеливым, всегда, понимаешь? Он никогда не переставал в него верить и мало-помалу помог мальчишке. Алан, конечно, не стал как все – он по-прежнему живет с родителями и никуда не ходит один, но он уже не так безразличен ко всему и погружен в себя, как в детстве. Вот я и захотела научиться помогать таким детям, как Алан.

– И сколько лет тебе было, когда ты приняла это решение?

– Двенадцать.

– Ты будешь работать с больными детьми в школе?

– Нет, – сказала Саванна. – Я хочу попробовать так, как делал брат Алана. Он использовал лошадей. – Она помолчала, собираясь с мыслями. – Больные аутизмом дети как бы заперты в собственном маленьком мирке, а обучение и терапия ведутся, как правило, по традиционной методике. А я хочу показать им новые горизонты, как бы открыть для них двери. Я видела, как это происходило: сперва Алан шарахался от лошадей, но брат проявил настойчивость и вскоре добился, чтобы Алан похлопывал их по шее, потирал им носы, а позже даже кормил. Постепенно Алан начал ездить верхом. Я помню его лицо, когда он впервые сел на лошадь – невероятно, но он улыбался! Улыбался счастливой детской улыбкой. Мне захотелось, чтобы и другие дети ощутили это счастье, пусть даже на короткое время. В тот момент я и решила устроить конную базу для детей-аутистов, целый лагерь, где с ними реально можно было бы работать. Может, тогда они познают такое же счастье, как Алан.

Она отложила вилку, словно смутившись, и отставила тарелку в сторону.

– По-моему, замечательная цель.

– Посмотрим, что из этого получится, – сказала Саванна, выпрямившись. – Пока это всего лишь мечта.

– Я так понял, ты любишь лошадей?

– Все девушки любят лошадей, разве ты не знал? Я их обожаю. У меня есть арабский жеребец Мидас. Иногда чуть не плачу с тоски, что я здесь, а он там. Вот бы сейчас покататься…

– Ага, правда выходит наружу!

– Как и полагается правде. Но я все равно останусь на строительстве. А вот когда вернусь, целую неделю с седла не слезу. Ты умеешь ездить верхом?

– Пробовал однажды.

– Понравилось?

– На следующий день все болело и ноги были колесом.

Саванна хихикнула, и я подумал, как приятно с ней говорить – легко и естественно в отличие от большинства людей. Над нашими головами мерцал Пояс Ориона. Из океана поднялась Венера – яркая белая точка над горизонтом. Парни и девушки с топотом сновали вверх-вниз по лестнице, разгоряченные пивом и смелым флиртом. Я вздохнул.

– Я, пожалуй, пойду – нужно показаться отцу. Он, наверное, гадает, куда я делся, если еще не лег спать.

– Может, ему позвонить? Звони с нашего телефона.

– Нет, я, пожалуй, пойду – дорога неблизкая.

– Ты что, без машины?

– Ну да. Утром проголосовал на шоссе.

– Хочешь, тебя Тим отвезет? Он не будет возражать.

– Зачем? Так доберусь.

– Не будь смешным: ты же сказал – дорога неблизкая. Я сейчас попрошу Тима, подожди немного.

Не успел я ее остановить, как Саванна побежала в дом и через минуту появилась, ведя Тима за собой.

– Тим с удовольствием тебя отвезет, – самодовольно сообщила она.

– Точно? – не удержался я.

– Нет проблем, – заверил он. – Вон там мой грузовик. Доску можно положить в кузов. Помочь?

– Нет, – сказал я, вставая. – Я сам. – Подойдя к стулу у костра, я натянул высохшую рубашку и подобрал доску. – Спасибо.

– Не за что, – сказал Уэддон и похлопал себя по карману. – Схожу ключи возьму. Зеленый грузовик, стоит на траве. Я подойду прямо туда.

Когда Тим ушел, я повернулся к Саванне:

– Было очень приятно познакомиться.

Она подняла глаза.

– Мне тоже. Я прежде никогда не водила компанию с военными. Оказывается, это словно находиться под защитой. Вряд ли Рэнди будет мне докучать – твои татуировки его надолго отпугнули.

Значит, заметила.

– Может, еще увидимся…

– Ты теперь знаешь, где меня найти.

Я не понял – это намек, что она не против увидеться снова? Во многих отношениях Саванна оставалась для меня полнейшей загадкой. Да и то сказать, я ее едва знал.

– Но я немного разочарована, что ты забыл, – словно спохватившись, добавила она.

– О чем?

– Разве ты не обещал научить меня серфингу?

Если у Тима и возникли подозрения насчет того, что я запал на Саванну и как штык буду здесь на следующее утро, то вида он не подал, сосредоточившись на дороге и тщательно соблюдая правила дорожного движения. Уэддон был из тех водителей, которые останавливают машину, едва загорится желтый свет, пусть даже еще можно проехать.

– Надеюсь, ты хорошо провел время? – спросил он. – А то в незнакомой компании всегда не по себе.

– Нет, все о’кей.

– Вы с Саванной сразу нашли общий язык. Правда, она особенная? По-моему, ты ей понравился.

– Мы очень мило побеседовали, – осторожно сказал я.

– Прекрасно. Я немного беспокоюсь за нее. В прошлом году она приезжала с родителями, сейчас впервые приехала одна. Конечно, она уже взрослая, но здесь не та публика, к которой она привыкла. Меньше всего я хочу, чтобы она отбивалась от парней ночи напролет.

– По-моему, у нее не забалуешь.

– Тут ты прав. Но кое-кто из этих парней чертовски настойчив.

– А как же иначе, они же парни…

Тим засмеялся и показал рукой на лобовое стекло:

– Куда дальше?

Я взял на себя роль штурмана, указывая, где свернуть и куда повернуть. Вскоре грузовичок затормозил напротив моего дома. Окно папиной «берлоги» светилось

желтым.

– Спасибо, что подвез, – сказал я, открывая дверь.

– Не за что. – Опершись о пассажирское сиденье, Тим повернулся ко мне: – Повторяю, приезжай в любое время. Днем мы на стройке, но вечера и выходные, как правило, свободны.

– Учту, – пообещал я.

Войдя в дом, я направился к папиной «берлоге» и открыл дверь. Папа, поглощенный «Бюллетенем нумизмата», подскочил от неожиданности: он не слышал, как я вошел.

– Извини, – сказал я, присаживаясь на порог, отделявший «берлогу» от коридора. – Не хотел тебя пугать.

– Ничего, – только и сказал отец. Он поколебался, отложить бюллетень или нет, потом отложил.

– Волны сегодня были что надо, – сказал я. – Я почти забыл, как хорошо в воде.

Отец улыбнулся, но ничего не сказал. Я неловко двинулся на порожке.

– Как работа? – поинтересовался я.

– По-старому, – рассеянно ответил папа, уже погрузившись в собственные мысли. Я подумал, что эта фраза вполне приложима ко всем нашим разговорам.

Глава 3

Серфинг – спорт одиночества, где долгие периоды скуки перемежаются лихорадочной активностью. Катание на доске учит жить в согласии с природой,

а не воевать с ней. Внутри водного тоннеля словно попадаешь в аномальную зону. Об этом пишут в спортивных журналах, посвященных серфингу, и в принципе я согласен – нет ничего столь же захватывающего и увлекательного, как поймать волну и несколько мгновений прожить за водной стеной, неудержимо катящейся к берегу. Но я не один из этих жилистых чуваков с дубленой кожей и свалявшимися волосами, которые не вылезают из моря с утра до вечера, – дескать, в этом смысл, соль и цимес жизни. Это не так. Я увлекся серфингом оттого, что остальной мир безумно шумен, а за водяной стеной так тихо, что можно услышать собственные мысли.

Все это я говорил Саванне, когда ранним воскресным утром мы шли к океану. Вернее, мне нравится думать, что я все это говорил. На самом деле я болтал что придется, стараясь не слишком показывать, как она мне нравится в бикини.

– Совсем как верховая езда, – кивнула Саванна.

– В каком смысле?

– Тоже позволяет услышать собственные мысли. Поэтому я люблю ездить верхом.

Я пришел несколько минут назад – лучшие волны бывают по утрам. Сегодня утро выдалось ясное, на небе ни облачка – значит, нас ждет жаркий день и на пляже снова будет не протолкнуться. Саванна, завернувшись в полотенце, сидела на ступеньке лестницы перед большим кострищем вчерашнего bonfire[6 - Праздничного костра (англ.).]. Хотя студенты наверняка гудели до поздней ночи, нигде не было видно ни клочка мусора и ни одной пустой банки. Новоявленные строители начали расти в моих глазах.

Несмотря на ранний час, солнце уже припекало. Несколько минут у кромки воды я объяснял Саванне азы серфинга, показывая, как надо запрыгивать на доску. Когда Саванна решила, что готова к практическим упражнением, я подхватил доску и вошел в воду. Саванна последовала за мной.

В этот ранний час серферов было мало – исключительно те, кого я видел накануне. Я соображал, где лучше встать, чтобы дать Саванне достаточно места, когда спохватился, что ее нет рядом.

– Подожди, подожди! – раздалось за моей спиной. – Стой, стой…

Я обернулся. Саванна балансировала на цыпочках, ежась от первых брызг, попавших ей на живот, вмиг покрывшись гусиной кожей. Она вытягивалась, словно пытаясь стать повыше и оказаться дальше от воды.

– Ой-ей, мне нужно привыкнуть… – Часто-часто дыша, она зябко обхватила себя руками. – Ух ты, как холодно, свящ-щенная корова!

Священная корова? Да, в армии выражаются покрепче.

– Ничего, сейчас привыкнешь, – фыркнул я.

– Ух, как я не люблю мерзнуть! Терпеть не могу мерзнуть!

– Ты же живешь в горах, где снег идет!

– Да, но у нас, знаешь ли, есть всякие штуки под названием куртки, перчатки и шапки, поэтому терпимо даже зимой. И у нас нет привычки первым делом с утра нырять в ледяную воду!

– Смешно, – похвалил я.

Она уже вовсю подпрыгивала на месте.

– Ага, очень смешно! Ну, бли-ин…чики!

Блинчики! Я уже не сдерживал улыбку. Дыхание Саванны стало ровнее, хотя мурашки не исчезли. Она отважилась еще на один крошечный шажок вперед.

– Лучше сразу прыгнуть в воду и резко присесть, чем мучить себя сантиметр за сантиметром, – сказал я.

– Ты делаешь по-своему, а я буду делать по-своему, – отозвалась она, не проявив уважения к моей мудрости. – Поверить не могу, что ты пришел в такую рань. Я думала, ты появишься днем, когда температура воды будет выше нуля.

– Вода почти восемьдесят градусов[7 - По Фаренгейту. Примерно 26,7 градуса по Цельсию.]!

– Да, да, – пробурчала Саванна, немного акклиматизировавшись. Разведя руки, она еще несколько раз глубоко вздохнула и погрузилась, наверное, на дюйм. Сдерживаясь, она плеснула пару шлепков воды на руки выше локтей. – О’кей, я уже иду к тебе.

– Не беги, выжди сколько надо…

– Выжду, спасибо, – бросила она, не обращая внимания на иронию. – О’кей, – сказала Саванна больше для себя, чем для меня, и сделала шажок вперед, затем еще один. На ее лице застыло выражение сосредоточенности. Мне очень нравилась эта мина – серьезная, напряженная и забавная. – Хватит надо мной смеяться, – возмутилась Саванна, подняв на меня глаза.

– Я молчу!

– А про себя смеешься, я по лицу вижу!

– Ладно, не буду.

Наконец она подошла ко мне. Стоя в воде по плечи, я придерживал доску, пока Саванна на нее забиралась, и старался не слишком откровенно пялиться на девичьи прелести (что было нелегко, учитывая превосходный обзор). Я с трудом переключился на волны, равномерно накатывавшиеся из-за спины.

– Что теперь?

– Помнишь, что надо делать? Сначала сильно гребешь, потом хватаешься за доску с обеих сторон ближе к носу и прыжком вскакиваешь на ноги.

– Поняла.

– Сперва это немного трудно. Не удивляйся, если упадешь. В случае чего не сопротивляйся волне, катись вместе с ней к берегу. Мало у кого получается с первого раза.

– О’кей, – сказала Саванна. Оглянувшись, я увидел, как катится небольшая волна.

– Приготовься… – скомандовал я, следя за волной. – Так, начинай грести…

Когда волна ударила мне в спину, я с силой толкнул доску, придав ей некоторое ускорение, и Саванна поймала волну. Не знаю, чего я ожидал, но уж точно не думал, что она вскочит на ноги, легко выпрямится и, безупречно балансируя, прокатится на волне до самого берега, где сила волны наконец иссякла. На мелководье Саванна спрыгнула с замедлившей ход доски и эффектно повернулась ко мне:

– Ну как?

Несмотря на разделявшее нас расстояние, я не мог отвести от нее глаз. «Ох, парень, – подумал я, – ты в серьезной опасности».

– Я несколько лет занималась гимнастикой, – призналась Саванна. – И у меня всегда было хорошее чувство равновесия. Нужно было тебя предупредить, когда ты намекал, что я непременно шлепнусь в воду.

Мы провели в воде больше полутора часов. Всякий раз Саванна удачно вскакивала на ноги и с легкостью мчалась к берегу. Она еще не умела управлять доской, но я видел – если она захочет, это лишь вопрос времени.

Накатавшись, мы вернулись к дому. Я остался ждать внизу, Саванна поднялась наверх. Встали еще не все сопливые строители: три девушки расслабленно озирали океан с веранды, остальные, видимо, еще отлеживались после вчерашней гулянки. Через пару минут Саванна спустилась в шортах и футболке, неся две чашки кофе, и присела рядом со мной на ступеньку. Мы пили кофе и смотрели на океан.

– Я не говорил, что ты обязательно шлепнешься, – решил я внести ясность. – Просто сказал – если упадешь, катись к берегу вместе с волной.

– Угу, – проворковала она, и выражение лица у нее было самое озорное. – Как кофе, ничего?

– Отличный, – искренне похвалил я.

– Не могу с утра без кофе. Это мой единственный порок.

– Каждый человек должен иметь какой-нибудь порок.

Она взглянула на меня:

– А у тебя какой?

– Я беспорочен, – сообщил я. К моему удивлению, Саванна игриво пихнула меня в бок:

– Ты в курсе, что вчера была первая ночь полнолуния?

Я был в курсе, но счел за лучшее не сознаваться.

– Правда?!

– Я обожаю полную луну с самого детства. Мне нравится думать, что это какое-то предзнаменование. Наверное, полная луна предвещает что-нибудь хорошее – например, если совершил ошибку, еще будет шанс начать все заново.

Она замолчала и немного посидела, поднеся чашку к губам. Я смотрел, как причудливо изогнутые струйки пара гладят ее по лицу.

– Какие на сегодня планы? – спросил я.

– Сегодня у нас совещание, а больше ничего, кроме храма. Но это для меня и для тех, кто захочет присоединиться. Кстати, который час?

Я взглянул на часы.

– Начало десятого.

– Уже? Значит, у меня нет времени: служба начинается в десять.

Я кивнул, понимая, что наше совместное время почти истекло.

– Пойдешь со мной? – услышал я.

– В церковь?

– Да, в храм, – сказала Саванна. – Разве ты не хочешь?

Я не знал, что сказать. Видимо, для нее это было важно, и хотя я знал, что мой ответ ее огорчит, лгать не хотелось.

– Не очень, – признался я. – Я не был в церкви много лет. Ребенком ходил, но потом… – Я не закончил фразу. – Не знаю почему.

Саванна вытянула ноги, ожидая, не прибавлю ли я что-нибудь. Не дождавшись, она приподняла бровь:

– Ну так что?

– Что – что?

– Хочешь пойти со мной или нет?

– Ну не в этом же идти! Я в любом случае не успею зайти домой и принять душ. Иначе бы я пошел.

Саванна критически осмотрела меня с ног до головы.

– Хорошо. – Она похлопала меня по колену. Уже второй раз она прикоснулась ко мне. – Я принесу тебе одежду.

– Выглядишь отлично, – заверил меня Тим. – Воротник немного тесен, но на вид не скажешь.

Из зеркала на меня смотрел незнакомец в камуфляжных штанах, наглаженной рубашке и при галстуке – не помню, когда я в последний раз надевал галстук. Я не был уверен, нравится ли мне это или нет. Тим Уэддон, напротив, преисполнился чересчур горячим энтузиазмом, узнав о наших планах.

– Как она тебя уговорила? – удивлялся он.

– Сам не понимаю!

Тим засмеялся, завязывая ботинки, и подмигнул.

– Я говорил, что ты ей понравился!

У нас в армии есть капелланы, и большинство из них весьма приличные парни. На базе я имел возможность пообщаться сразу с двумя капелланами. Один из них – Тед Дженкинс – оказался из тех людей, которые сразу вызывают доверие к себе. Он не притрагивался к спиртному, и не то чтобы мы считали его своим, но всегда были рады, когда он заходил. У Теда была жена и парочка спиногрызов, и на службе он оттрубил уже пятнадцать лет. О семейных и армейских проблемах Дженкинс знал не понаслышке, и если тебе требовалось поговорить, он внимательно слушал. Выкладывать абсолютно все капеллану не стоило – Тед имел офицерское звание и весьма сурово обошелся с двумя парнями из моего отделения, которых черт дернул пооткровенничать со святым отцом насчет своих эскапад. Но, видите ли, Тед Дженкинс был такой человек, что ему все равно хотелось все рассказать. Не знаю, чему это можно приписать, кроме того, что он хороший человек и чертовски славный армейский капеллан. Он говорил о Боге запросто, почти как о приятеле, без назидательности, которая меня бесит, и никого не заставлял посещать воскресные службы. Он как бы оставлял решение на совести каждого. В зависимости от обстановки и степени опасности он мог говорить с одним-двумя солдатами или с целой сотней. Прежде чем нашу часть послали на Балканы, Тед успел окрестить, наверное, человек пятьдесят.

Я был крещен в младенчестве, так что в армии эта процедура меня миновала, но, как уже сказал, много лет не заходил в церковь. Я давно перестал

сопровождать туда отца и теперь просто не знал, чего ждать. Однако церковная служба оказалась на уровне: пастор говорил негромко и сдержанно, музыка была хорошая, и время тянулось не так долго, как я запомнил в детстве. Нельзя сказать, что проповедь произвела на меня сильное впечатление, но я был доволен, что пришел, – у меня появилась новая тема для разговора с отцом и возможность больше времени провести с Саванной.

Она сидела между Тимом и мною, и я краем глаза наблюдал, как она поет. Голос у Саванны был небольшой, но пела она чисто, и тембр мне понравился. Тим сосредоточенно уткнулся в молитвенник, а на обратном пути задержался пообщаться с пастором. Пока мы с Саванной ждали в тени кизила у входа в церковь, Тим оживленно беседовал о чем-то со святым отцом.

– Старые приятели! – буркнул я, кивнув на Тима. Несмотря на тень, мне было жарко, по спине стекали струйки пота.

– Нет-нет, это, по-моему, отец Тима рассказал ему об этом пасторе. Тим вчера даже в Интернет зашел, чтобы найти этот храм. – Саванна обмахивалась веером. В ярком сарафане она выглядела настоящей красавицей южанкой. – Я рада, что ты пошел с нами.

– Я тоже.

– Проголодался?

– Почти.

– Поедим, когда вернемся домой, если хочешь. Да, можешь уже отдать Тиму его одежду. Сразу видно, что тебе неудобно и жарко.

– Знаешь, в этом и вполовину не так жарко, как в каске, ботинках и бронежилете.

Саванна подняла ко мне лицо.

– Мне нравится, как ты говоришь о бронежилете. Мало кто из наших умеет так говорить. Я нахожу это интересным.

– Ты смеешься надо мной?

– Да нет, ставлю галочку для памяти. – Она грациозно облокотилась о дерево. – Кажется, Тим уже закончил.

Я посмотрел на оживленно беседующих святошу и пастора.

– С чего ты решила?

– Видишь, он сложил ладони домиком? Значит, готов прощаться. Сейчас протянет руку, улыбнется, кивнет на прощание и пойдет к нам.

В точном соответствии с предсказанием, Уэддон распрощался с пастором и легким шагом направился к нам. На лице Саванны появилось смешливое торжество. В ответ на мой удивленный взгляд она пожала плечами:

– В маленьком городке делать совершенно нечего, вот и наблюдаешь за людьми. Постепенно выясняешь привычки всех знакомых.

По моему скромному мнению, Саванне слишком часто приходилось наблюдать за Тимом, но делиться этим открытием я не стал.

– Ну что, готовы ехать? – спросил Тим.

– Только тебя и ждем, – выразительно сообщила Саванна.

– Извини, – спохватился Тим. – Нам нужно было поговорить.

– Ты только и делаешь, что со всеми говоришь!

– Ты права, – сокрушенно сказал Тим. – Но я уже начал по капле выдавливать из себя дружелюбие.

Саванна засмеялась. Непринужденная болтовня названых братца и сестрички бесцеремонно выставила меня за пределы круга своих, но тут Саванна взяла меня за руку, заставив забыть обо всем на свете, и вот так, под ручку, мы

направились к машине.

Вернувшись, мы застали строительную бригаду уже на ногах: потенциальные плотники и штукатуры в купальниках и плавках в поте лица работали над своим загаром. Несколько человек лежали на веранде, остальные резвились на пляже. Из окон гремела музыка, заботливо наполненные кулеры с пивом стояли в боевой готовности, и многие лечились этим испытанным средством от утреннего похмелья. Я удержался от замечания. Вообще, пиво – это хорошо, но, учитывая, что я только что из церкви, приличия требовали выждать некоторое время.

Я переоделся, сложив уэддоновскую одежду так, как выучился в армии, и вернулся в кухню. Тим успел спроворить блюдо бутербродов.

– Угощайся, – сказал он, обводя стол широким жестом. – Еды прорва. Кому знать, как не мне, – я вчера три часа по магазинам ездил. – Он ополоснул руки и вытерся полотенцем. – Ладно, теперь моя очередь переодеваться. Саванна выйдет через минуту.

Он вышел. Оставшись один, я огляделся. Обстановка дома была выдержана в традиционном пляжном стиле: ярко раскрашенная плетеная мебель, лампы из раковин, маленькие статуэтки маяков на каминной полке, а на стенах – пастели с видами океанского побережья.

У родителей Люси был примерно такой дом – не здесь, а на острове Лысая Голова. Они никогда не сдавали его внаем, предпочитая отдыхать там летом. Несмотря на возраст, ее папаша продолжал вкалывать в Уинстон-Сейлеме, и каждую неделю они с женой на пару дней возвращались в город, оставляя бедную Люси одну-одинешеньку – не считая меня, разумеется. Знай они, что творилось в доме в их отсутствие, нипочем бы не уехали.

– Вот и я, – сказала, входя, Саванна, вновь нарядившаяся в бикини (правда, нижнюю часть купальника прикрывали шортики). – Вижу, ты снова в норме.

– Откуда тебе знать?

– Глаза не выпучены из-за тесного воротника.

Я улыбнулся.

– Тим сделал сандвичей.

– Отлично, я просто умираю с голоду. Ты уже ел?

– Нет, – ответил я.

– Ну так давай подключайся. Терпеть не могу есть одна.

Мы ели стоя. Лежавшим на веранде девицам было невдомек, что в кухне может кто-то быть, и они разговаривали в полный голос. Одна из них во всех подробностях рассказывала, чем занималась с парнями прошлой ночью. Замечу в скобках – то, чем они занимались, не имело ничего общего с благородной миссией благоустройства бедных. Саванна сморщила нос – дескать, много текста – и повернулась к холодильнику.

– Хочу пить. Ты что будешь?

– Воды какой-нибудь.

Она нагнулась за бутылками. Как ни старался, я не мог оторвать глаз от натянувшихся шортиков. Зрелище, признаться, было хоть куда. Интересно, знала ли Саванна, что я на нее пялюсь? Я так понял, что да: выпрямившись, она обернулась с самым лукавым видом. Выставив бутылки на кухонный стол, Саванна спросила:

– Как насчет послеобеденного серфинга?

Разве я мог отказаться?

Остаток дня мы провели в воде. Саванна, лежащая на доске в нескольких дюймах от меня, представляла настоящий пир для глаз, но еще больше я любовался тем, как лихо она мчится на серфе. Потом Саванна убежала греться на пляж, попросив разрешения наблюдать за мной таким образом, и мое катание по волнам удостоилось отдельного закрытого просмотра.

В четыре часа мы лежали на полотенцах на песке с задней стороны коттеджа, неподалеку (но не слишком близко) от остальных студентов. Сперва я ловил на себе любопытные взгляды, но в целом до меня никому не было дела, кроме Рэнди и Сьюзен. Блондинка подчеркнуто хмурилась на Саванну, а Рэнди довольствовался ролью третьего колеса при Брэде и Сьюзен, зализывая раны. Тима Уэддона нигде не было видно.

Саванна лежала на животе – признаюсь, волнующее зрелище. Я улегся на спину рядышком, надеясь подремать в расслабляющем зное, но присутствие Саванны будоражило и не давало полностью расслабиться.

– Джон, – промурлыкала она. – Расскажи мне о своих татуировках.

Я повернул к ней голову, прокатив затылком по песку.

– Что тебе о них рассказать?

– Ну, не знаю – почему наколол, что они означают…

Я приподнялся на локте и указал на левое плечо, где были выколоты орел и знамя:

– О’кей. Это эмблема пехотных войск, а это, – я указал на слова и буквы, – обозначение нашей роты, батальона и полка. У каждого в моем отделении такая наколка – сделали, когда праздновали окончание подготовки в Форт-Беннинге в Джорджии.

– А что означает «Резкий старт»? – Саванна указала на надпись под литерами.

– Это мое прозвище. Получил еще в Форт-Беннинге благодаря нашему любимому сержанту – инструктору по строевой подготовке. Я никак не успевал собрать автомат достаточно быстро, и он рявкнул, что даст мне резкий старт ногой по заду, если я сейчас же не включу пятую скорость. Прозвище прилипло, ну вот и…

– Красивое прозвище, – протянула она.

– О да. Между собой мы называли сержанта Люцифером, – сообщил я и был вознагражден улыбкой.

– А что означает колючая проволока?

– Ничего, – помотал я головой. – Я наколол ее до поступления в армию.

– А на другой руке?

На другой руке у меня был китайский иероглиф, относительно которого я предпочел бы оставить Саванну в неведении.

– Это память о подростковом бунте под девизом «Я пропащий, и все мне по фигу». Ничего не означает.

– Разве это не китайский иероглиф?

– Ну да, иероглиф.

– Тогда он что-то означает. Может, храбрость или честь?

– Да ругательство это, ругательство!

– О-о! – озорно подмигнула Саванна.

– Я уже сказал, сейчас для меня это не имеет значения!

– Все же не выставляй эту наколку, если поедешь в Китай.

Я засмеялся.

Она помолчала минуту.

– Значит, ты бунтарь?

– Был когда-то давно, – сознался я. – Или не очень давно. Кажется, с тех пор сто лет прошло.

– Поэтому ты сказал, что в то время армия была тебе необходима?

– Да, она пошла мне на пользу.

Помолчав, Саванна спросила:

– Скажи, в то время ты бы прыгнул за моей сумкой?

– Нет. Наверное, только посмеялся бы.

Несколько секунд Саванна оценивала мой ответ, будто решая, верить мне или не верить, и наконец глубоко вздохнула.

– Хорошо, что ты записался в армию. Сумка мне была очень нужна.

– Видишь, как все удачно…

– А еще что?

– В смысле?

– В смысле – что еще ты можешь рассказать о себе?

– Ох, я не знаю. Что тебе хочется знать?

– Расскажи мне что-нибудь, чего о тебе никто не знает.

Я подумал.

– Могу сказать, сколько десятидолларовых монет без кромки с головой индейца было отчеканено в тысяча девятьсот седьмом году.

– И сколько?

– Сорок две. Они изначально не предназначались для денежного обмена: работники Монетного двора отчеканили их для себя и своих друзей.

– Ты увлекаешься нумизматикой?

– Я бы так не сказал. Это долгая история.

– У нас полно времени!

Я колебался. Саванна потянулась за своей сумкой.

– Погоди, – сказала она, копаясь в объемистых недрах. Вскоре на свет был извлечен тюбик «Коппертона». – Будешь рассказывать, когда намажешь мне спину лосьоном. Кажется, я обгорела.

– О, разрешаешь?

Саванна подмигнула.

– В награду за откровенность.

Я натер ей лосьоном плечи и спину, не забыв, однако, и про остальные части тела – я убедил себя, что кожа там покраснела, а солнечные ожоги сделают завтрашнюю работу их обладательницы страшно мучительной. После этого я несколько минут рассказывал Саванне о деде, отце, нумизматических выставках и старом добром Элиасберге. Я не отвечал конкретно на вопрос, не будучи уверен, что должен содержать правильный ответ. Когда я закончил, Саванна повернулась ко мне:

– Твой отец до сих пор собирает монеты?

– Как заведенный. По крайней мере я так думаю – мы больше не говорим о нумизматике.

– Почему?

Я рассказал и об этом. Мне полагалось выставить себя в лучшем свете, умолчав о плохом, чтобы произвести впечатление, но с Саванной это было невозможно. По какой-то причине при ней возникала потребность говорить правду, хотя мы были знакомы второй день. Выслушав меня, она некоторое время сидела с озадаченным видом.

– Я вел себя как скотина, – подсказал я. Конечно, существовала и более точная характеристика меня тогдашнего, но она не годилась для девичьих ушей.

– Пожалуй, – протянула Саванна. – Но я не об этом думала. Я пыталась представить тебя в юности, потому что сейчас ты ничем не напоминаешь того человека.

Любой ответ прозвучал бы фальшиво, пусть даже ее замечание было справедливым. Поколебавшись, я прибегнул к папиному методу и промолчал.

– А какой вообще характер у твоего отца?

Я коротко описал. Пока я говорил, Саванна, сидя с видом напряженного раздумья, набирала в горсть песок, и он сеялся сквозь пальцы. В конце, снова удивив себя, я признался, что мы с отцом стали почти чужими.

– Все правильно, – сказала она деловым тоном без всякого осуждения. – Ты отсутствовал два года и сильно изменился. Откуда же ему тебя знать?

Мне надоело лежать, и я сел на полотенце. Вокруг яблоку негде было упасть: все, кто хотел попасть на пляж, уже пришли и пока не собирались уходить. У кромки воды Рэнди с Брэдом играли во фрисби, сопровождая это занятие беготней и криками. Вокруг них собрались и другие желающие поиграть.

– Да, конечно, – сказал я. – Но дело не только в этом. Мы всегда были чужими. С ним очень трудно разговаривать.

Выговорив последнюю фразу, я подумал, что впервые в жизни обсуждаю эту тему с другим человеком. Странная какая-то тяга к откровенности у меня

сегодня. С другой стороны, большую часть сказанного мной Саванне можно считать странным.

– Многие молодые люди говорят это о своих родителях.

Может, и так, подумал я, но у меня иной случай. Дело не в разнице поколений, просто с моим папахеном нормально почирикать можно только о монетах. Вслух я ничего не сказал. Саванна разровняла песок перед собой и проговорила неожиданно мягко:

– Я бы хотела с ним познакомиться.

Я повернулся к ней:

– Зачем?

– Он интересный человек. Меня всегда привлекали люди с жаждой к жизни.

– У него жажда к старым монетам, а не к жизни, – поправил я.

– Все равно, страсть есть страсть. Это развлечение, лекарство от скуки, и не важно, на что она направлена. – Она поводила ступнями в песке. – Разумеется, я не имею в виду пороки.

– Вроде твоего пристрастия к кофеину?

Она улыбнулась, и я заметил у нее маленький промежуток между верхними резцами.

– Ага. Страстью могут стать монеты, спорт, лошади, музыка, вера… Самые унылые люди, которых мне доводилось встречать, – те, которых ничто не интересует. Страсть и удовлетворение идут рука об руку, без них счастье долго не продлится, как костер погаснет без топлива. Мне бы очень хотелось послушать, как твой папа говорит о монетах, – в этот момент он наверняка на седьмом небе от счастья, а ведь счастье заразительно!

После этих слов я ее сильно зауважал. Несмотря на мнение Тима о наивности Саванны, ее суждения были более зрелыми, чем у большинства сверстников. Кроме того, Саванна так неотразимо выглядела в бикини, что даже читай она вслух телефонный справочник, я бы восхищенно внимал.

Саванне стало любопытно, куда я то и дело посматриваю, и она тоже села на полотенце. Игра в фрисби была в полном разгаре. Брэд запустил диск, ловить который бросились двое участников. Оба нырнули одновременно, подняв тучу брызг на мелководье, и крепко столкнулись головами. Парень в красных шортах вышел из воды с пустыми руками, ругаясь и держась за голову. Его шорты были в песке. Другие участники смеялись. Я тоже улыбался, невольно представив, как тому больно.

– Ты видела? – кивком показал я.

– Погоди, – сказала Саванна. – Я сейчас вернусь.

Она вскочила и быстрым шагом направилась к парню в красных шортах. При виде девушки он остолбенел, и его приятель тоже – появление Саванны в бикини, как я понял, сражало наповал не только меня. Я видел, как она что-то говорит и улыбается, настойчиво глядя на жертву фрисби, а тот покорно кивает с видом мальчишки, получившего выволочку. Вернувшись, Саванна снова уселась рядом со мной. Я ни о чем не спросил, понимая, что это не мое дело, но мое любопытство не осталось незамеченным.

– В другой обстановке я бы промолчала, но сейчас пришлось просить его не распускать язык. Люди отдыхают семьями, вокруг полно детей, – объяснила она. – Он обещал.

Мне надо было догадаться.

– Ты предложила ему выражаться «священной коровой» или «блинчиками»?

Она смешливо покосилась на меня:

– А тебе понравились эти выражения!

– Я вот думаю, не научить ли им ребят из моего отделения. Пусть у парней будет дополнительный фактор устрашения, когда они выбивают двери или заряжают РПГ.

Она хихикнула.

– Это определенно страшнее сквернословия, хотя я и не знаю, что такое РПГ.

– Реактивный гранатомет. – С каждой минутой Саванна нравилась мне все сильнее. – Что ты делаешь сегодня вечером?

– У меня нет особых планов, кроме собрания. А что? Хочешь познакомить меня с отцом?

– Нет. Может, потом как-нибудь. Сегодня я хотел показать тебе Уилмингтон.

– Ты приглашаешь меня погулять?

– Да, – признался я. – Я провожу тебя назад сразу, как только скажешь. Я не забыл, что завтра тебе на работу, но очень хочу показать одно отличное заведение.

– Какое?

– Местный ресторанчик. Там подают морепродукты, но вообще туда ходят за новыми впечатлениями.

Саванна обхватила колени руками.

– Обычно я не гуляю с малознакомыми людьми, – сказала она, подумав. – А мы с тобой познакомились только вчера. Я могу тебе доверять?

– Я бы на твоем месте не доверял, – честно сказал я.

Она засмеялась.

– Ну, в таком случае я, пожалуй, сделаю исключение.

– Да?

– Да, – ответила она. – У меня слабость к честным парням с «ежиком». Во сколько?

Глава 4

К пяти я был дома. На пляже я не заметил, что обгорел – ох уж эта моя кожица белого южанина! – но под душем вполне прочувствовал. Струйки воды рикошетили от груди и плеч и жалили, как крапива, а лицо горело так, словно я подхватил лихорадку. После душа я побрился (впервые после приезда домой) и натянул чистые шорты и одну из «приличных» рубашек с пуговицами от горла до низа, светло-голубую (подарок Люси – она уверяла, что цвет мне очень идет). Я закатал рукава и не стал застегивать воротник, а потом некоторое время рылся в шкафу в поисках своих древних сандалий.

Сквозь неплотно притворенную дверь кухни я увидел отца, сидевшего за столом, и спохватился, что уже второй вечер подряд я не ужинаю дома, да и в выходные внимания ему не уделял. Жаловаться он бы не стал, но я невольно ощутил вину. Когда мы перестали разговаривать о монетах, единственным, что мы разделяли, стали завтраки и обеды. Теперь я лишил родителя и последнего утешения. Может, я не так уж изменился, как мне казалось. Я жил в отцовском доме, ел его пищу, а сейчас даже собирался попросить его машину – другими словами, наслаждался жизнью, походя используя отца. Я попытался представить, что сказала бы об этом одна знакомая брюнетка. Саванна уже поселилась в моей голове в виде маленького разумного голоска, не удосуживаясь платить за проживание, и теперь нашептывала мне: «Раз ты чувствуешь за собой вину, значит, сделал что-то неправильно». Я решил, что буду проводить с отцом больше времени. Конечно, это компромисс, но я не знал, что еще делать.

Я открыл дверь. Отец с изумлением поднял глаза.

– Привет, пап, – сказал я, усаживаясь на свое обычное место.

– Привет, Джон, – ответил он, украдкой оглядев стол и проведя пальцами по редеющим волосам. Пауза затягивалась, и папа понял, что придется немного поинтересоваться жизнью сына. – Как день прошел? – спросил он наконец.

Я двинулся на сиденье.

– Отлично. Сегодня я весь день провел с Саванной – я тебе рассказывал о ней вчера вечером.

– О-о… – Папа привычно отводил глаза, избегая встречаться со мной взглядом. – Ты мне о ней не говорил.

– Не говорил?

– Нет. Но это ничего, время было позднее.

Я видел, что папа заметил мой выходной наряд. Он никогда не видел меня приодетым таким приличным образом, но не может принудить себя расспросить, по какому случаю парад.

Решив удовлетворить его любопытство, я оттянул рубашку на груди.

– Да, я хочу произвести на нее впечатление и сегодня веду на ужин. Можно взять твою машину?

– О… О’кей, – ответил папа.

– Я чего спрашиваю, может, она тебе нужна сегодня? Тогда я позвоню кому-нибудь из приятелей.

– Нет, нет, – сказал отец, полез в карман и достал ключи. Девять из десяти отцов небрежно бросили бы сыну ключи, мой протянул мне связку.

– Ты как, нормально? – спросил я.

– Просто устал, – ответил он.

Я встал и взял ключи.

– Пап?

Он вновь поднял глаза.

– Извини, что не ужинаю с тобой последние дни.

– Ничего, – ответил он. – Я понимаю.

Солнце начинало медленно клониться к закату, когда я подъехал к дому на пляже. В небе беззвучно буйствовала настоящая оргия красок всевозможных фруктовых оттенков, невольно поражавшая после тусклых вечерних сумерек, к которым я привык в Германии. Транспортный поток на шоссе оказался чудовищно плотным, и лишь через тридцать сизых от выхлопных газов минут я въехал на песчаную подъездную дорожку.

Я толкнул дверь, не постучав. В гостиной на диване сидели два парня и смотрели бейсбольный матч.

– Привет, – сказали они без интереса и удивления.

– Саванну не видели?

– Кого? – переспросил один, проявив крошечный проблеск внимания.

– Ладно, сам найду. – Я пересек гостиную и вышел на веранду позади дома, где все тот же полуголый парень жарил что-то на гриле, окруженный кучкой студентов. Саванны нигде не было видно. На пляже ее тоже не оказалось. Я вернулся в дом и, совсем было отчаялся, когда меня легонько похлопали по плечу:

– Кого ищешь?

Я обернулся.

– Да так, одну особу. Она любит терять вещи на пирсе, но способная ученица, когда дело касается серфинга.

Саванна подбоченилась. Я улыбнулся. Она была одета в шорты и топик на бретелях, с каплей румян на щеках. Я заметил, что она тронула тушью ресницы и подкрасила губы. Мне очень нравилась ее естественная красота – я вырос на пляже, знаете ли, – но сейчас она выглядела еще красивее, чем обычно. Саванна грозно подалась ко мне, и я уловил слабый лимонный аромат.

– Значит, «одна особа»?

Это прозвучало одновременно игриво и серьезно. На мгновение мне показалось, что я не выдержу и обниму ее прямо здесь и сейчас.

– О! – воскликнул я, разыгрывая удивление. – Это ж ты!

Парни на диване оглянулись на нас и снова уткнулись в телевизор.

– Ну что, пошли? – спросил я.

– Сейчас, сумочку возьму, – ответила Саванна. После извлечения сумочки из кухонного шкафчика мы направились к дверям. – А куда мы идем, кстати?

Услышав мой ответ, она подняла бровь.

– Куда же ты меня ведешь, если даже в названии есть слово «лачуга»?

– Я всего лишь неотесанный пехотинец с маленьким денежным довольствием. Это все, что я могу себе позволить.

На ходу Саванна пихнула меня бедром.

– Вот поэтому я и не встречаюсь с малознакомыми парнями!

«Лачуга креветки» находится в центре Уилмингтона, в историческом районе, ограниченном рекой Кейп-Фир. Часть исторического района превращена в типичную замануху для туристов – сувенирные лавки, пара антикварных магазинов, несколько приличных ресторанов, кофейни и разнообразные риелторские конторы. Однако старые уилмингтонские кварталы еще хранят дух города-порта и города-предпринимателя: здесь можно видеть огромные, частью заброшенные склады и старомодные офисные здания, занятые лишь наполовину. Сомневаюсь, что стада летних отдыхающих хоть раз отваживались забредать в эти края. Как раз сюда я и свернул. Мы углубились в путаницу старых улиц; пока мы ехали, прохожих становилось все меньше, и вскоре вокруг не осталось ни одного человека, а обступившие мостовую дома казались вконец обветшалыми.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Самава – город на юге Ирака, на правом берегу Евфрата. – Здесь и далее примеч. пер.

2

17 декабря 1903 г. братья Орвилл осуществили первый в истории человечества пилотируемый полет. Хотя полет длился всего 12 секунд, это место считается

колыбелью воздухоплавания.

3

Имеются в виду небольшие продовольственные магазины самообслуживания с торговыми автоматами.

4

Золотая монета достоинством двадцать долларов, на реверсе которой изображена статуя Свободы в полный рост, изготовленная по эскизу скульптора Огюста Сен-Годена (1848–1907).

5

Доллар Моргана (по имени автора эскиза монеты Джорджа Моргана) появился в обращении в 1878 году и чеканился вплоть до 1921 года.

6

Праздничного костра (англ.).

7

По Фаренгейту. Примерно 26,7 градуса по Цельсию.

Купить: https://tellnovel.com/nikolas-sparks/dorogoy-dzhon-kupit

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити